

INSPIRIA

КНИГА
ЛЕГЛА
В ОСНОВУ
СЕРИАЛА «ВЕРА»

НЕМЫЕ ГОЛОСА

УБИЙСТВО ПО СОСЕДСТВУ:
СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭНН КЛИВЗ

INSPIRIA

Убийство по соседству. Современный британский детектив

Энн Кливз

Немые голоса

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Кливлз Э.

Немые голоса / Э. Кливлз — «Эксмо», 2011 — (Убийство по соседству. Современный британский детектив)

ISBN 978-5-04-159811-2

Детективная серия для любителей Агаты Кристи и Шерлока Холмса. Автор уже известен в России. Популярная за рубежом серия о Вере Стэнхоул легла в основу сериала «Вера». Энн Кливлз получила множество наград и стала автором бестселлеров. Классический детектив в духе Артура Конан Дойла и Агаты Кристи. Жизнь инспектора Веры Стенхоуп не может быть спокойной даже вне работы. В сауне местного спортзала, куда она приходит отвлекаться, работа снова ее настигает: рядом лежит труп женщины с синяками на шее. Интересно, Вера хоть когда-нибудь видела людей, которые умерли спокойно? От нового расследования у Веры бурлит кровь. Смерть еще никогда не заставляла ее чувствовать себя такой живой. Но прошлое убитой жертвы раскрывает шокирующую тайну, которая затрагивает и жизнь инспектора. Осторожно, Вера Стенхоуп, ты ищешь человека, способного на страшное ради сокрытия своих преступлений... Энн Кливлз – признанный мастер британского детектива. Она почерпнула лучшее из романов великих предшественников – Агаты Кристи, Артура Конан Дойла и Гилберта Кита Честертона – и воплотила их в собственном стиле, что делает ее романы поистине уникальными. С психологической глубиной, дерзкими героями и загадочной атмосферой северной Англии, романы Энн Кливлз заслуживают встать в один ряд с шедеврами детективной литературы.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-159811-2

© Кливз Э., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Слова благодарности	7
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	31
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	42
Глава одиннадцатая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Энн Кливз

Немые голоса

© Булычева М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Тиму

Слова благодарности

Как всегда, я выражаю свою благодарность старой команде: Джули, Хелен, Роджеру, Джин, Ребекке и ее партнерам по всему миру, – а также новой команде: Элейн, Полу, Бренде и Дэвиду, которые помогли мне взглянуть на моих персонажей по-новому.

Глава первая

Вера плыла медленно. Мимо пронесся пожилой мужчина в шапочке для купания, обтягивавшей голову как натянутый презерватив. Он не был хорошим пловцом, но двигался быстрее ее. Она плыла медленно, как ленивец. Но даже это движение, проталкивание массы ее тела сквозь воду, требовало столько усилий, что она была на грани потери сознания.

Она терпеть не могла ощущение прикосновения воды к лицу – даже от небольшого всплеска ей казалось, что она утонет, поэтому плыла медленным брассом, держа подбородок в паре дюймов над водой. Она подозревала, что со стороны выглядит как огромная черепаха.

Вера приподняла голову еще выше, чтобы посмотреть на часы на стене. Почти полдень. Скоро начнется аквааэробика, придут подтянутые модные старушки с педикюром, в купальниках в цветочек, с чувством собственного достоинства и ощущением того, что они – последнее поколение, уходящее на пенсию рано и с комфортом. Включат громкую музыку, которая будет разрываться звукоусилителем и отвратительной акустикой бассейна, так что на мелодию эти звуки уже не будут похожи. Будет кричать молодая женщина в костюме из эластана. Сама мысль обо всем этом была Вере невыносима. Она уже проплыла свои рекомендованные десять кругов. Ну, ладно, восемь. Нельзя позволять себе самообман, если от этого зависит твоя жизнь. А сейчас, чувствуя тяжесть в легких, она действительно понимала, что ее жизнь зависит от плавания. Так что черт с ним! Пять минут в парилке, самый крепкий латте и обратно на работу.

Плавание порекомендовал ей врач. Вера пошла на регулярный медосмотр, готовая выслушать обычную лекцию о своем весе. Она всегда врала об объемах потребления алкоголя, но вес был слишком очевиден, и его не скроешь. Доктор казалась ребенком, одетым в приличную взрослую одежду, – слишком молода.

– Вы понимаете, что убиваете себя? – Она наклонилась вперед через стол так, что Вера разглядела идеальную кожу, не покрытую макияжем, и уловила тонкий аромат взрослых духов.

– Я не боюсь умирать, – сказала Вера. Она любила громкие заявления, но это, возможно, даже было правдой.

– Конечно, вы, возможно, и не умрете. – У врача был приятный голос, ясный, немного высокий. – По крайней мере, не прямо сейчас. – И она перечислила все возможные неприятные симптомы, которые могут быть следствием Вериной несдержанности. Как старомодная школьная директриса, раздающая приказы. – Пора вам начать принимать непростые решения и менять свой образ жизни, мисс Стенхоуп.

«Инспектор, – хотела поправить ее Вера. – Инспектор Стенхоуп». Но она знала, что эту девушку ее ранг не впечатлит.

Так что Вера купила абонемент в фитнес-клуб в этом большом загородном отеле и почти каждый день выискивала в графике час, чтобы проплыть свои десять кругов. Или восемь. Но никогда – думала она, отдавая себе должное, – никогда не меньше восьми. Она старалась выбирать время, когда бассейн пустовал. Ранним утром и по вечерам здесь было невыносимо. Раздевалки наполнялись молодыми худыми загорелыми девушками, которые затыкали уши аирподсами и по полной использовали снаряжение в спортзале. Вера не могла открыть свои шелушащиеся от экземы ноги, дряблый живот и целлюлит перед этими щебечущими и хихикающими богинями. Иногда она заглядывала в помещение, напомиравшее модернизированную камеру пыток, с огромными тренажерами и корчившимися от напряжения телами. Мужчины блестяли от пота, и она замечала, что восхищается ими: их гладкими мускулами, тяжелыми плечами и ногами в кроссовках, стучавшими по беговой дорожке.

Обычно она приходила в клуб поздним утром, сбегая с работы под предлогом какой-нибудь встречи. Вера выбрала это место, потому что оно находилось довольно далеко от участка. Последнее, чего ей хотелось, это встретить здесь знакомых. Она не рассказала колле-

гам, что начала заниматься, и хоть они, возможно, и замечали запах хлорки от ее кожи или волос, им хватало ума не комментировать. Вера доплыла до конца дорожки и встала, чтобы отдышаться. Подтянуться, чтобы вылезти из бассейна, как это делала молодежь, она не могла. Пока она брела к лестнице, кто-то из персонала сдвинул цепочку поплавок в центр бассейна, чтобы отделить зону для аквааэробики. Вера закончила как раз вовремя.

В парилке пахло кедром и эвкалиптом. Из-за густого пара она сначала не смогла разобрать, был ли там кто-то еще. В этой комнате она готова столкнуться с другими женщинами – по крайней мере, тут никто бы не разглядел в деталях ее уродство. Возможно, они бы догадались о масштабах ее тела, но больше ни о чем. Но, что странно, если она оказывалась там наедине с мужчиной, то чувствовала себя уязвимой. Не то чтобы она боялась нападения, или неуместных прикосновений, или того, что какой-нибудь псих решит обнажиться перед ней. От шума бассейна парилку отделяла лишь распашная дверь. На крик прибежали бы сотрудники бассейна. Да и она никогда особенно не боялась психов. Беспокоила ее интимность этого места. Она чувствовала, что если вступит в диалог, то может рассказать что-то, о чем потом пожалеет. Она сидела здесь почти голая, одурманенная жаром и ароматами. Знакомство в таком месте могло привести к откровениям. Опасная территория.

Она заметила, что в парилке была еще одна женщина, сидевшая в углу, согнув ноги в коленях, ступнями упираясь в мраморную скамью. Голова была запрокинута назад, и Вере она показалась совершенно расслабленной. Она ей позавидовала. Полное расслабление было для женщины редким состоянием. Юная докторша предлагала Вере йогу, и она сходила на один сеанс, но ей было невыносимо скучно. Стоять в одной позе чуть ли не часами, лежать неподвижно на спине, пока в голове крутятся мысли и идеи, требуя действий. Как это вообще может расслаблять? Вера осторожно опустилась на мрамор, скользкий от пара, но все равно издала влажный хлюпающий звук. Тактичная женщина в углу не отреагировала. Вера попыталась откинуть голову назад и закрыть глаза, но голову наполняли мысли о работе. Не о каком-то конкретном деле – с Рождества все было необычно спокойно. Но в мыслях все равно что-то крутилось: недовольство внутренней политикой, воспоминания о зацепке, которой нужно было заняться. Именно в такие моменты физического покоя ее мозг работал активнее всего.

Вера открыла глаза и бросила еще один завистливый взгляд на женщину в углу. Пар немного рассеялся, и инспектор увидела, что женщина не пожилая, скорее, средних лет. Короткие кудрявые волосы, простой синий купальник. Худая и высокая, с длинными красивыми ногами. Лишь когда вентилятор рассеял пар, Вера заметила, что ее соседка слишком неподвижна, а ее кожа слишком бледна. Женщина, которой позавидовала Вера, была мертва.

Глава вторая

В бассейне началось занятие по аквааэробике. Играла музыка, хотя различимы были лишь громкие басы. Вера посмотрела поверх дверцы. Женщины в воде скручивались и махали руками в воздухе. Она нагнулась над телом, чтобы проверить пульс, зная, что не найдет его. Женщина была убита. Петехии в белках глаз, вокруг шеи – синяки. Она знала, что это неправильно, но в голове Веры раздался писк радости. Она колебалась. Ей совсем не хотелось создавать всеобщую панику. К тому же она была не готова приветствовать медиков или коллег в черном купальном костюме, в котором была похожа на маленький заградительный аэростат. Сначала нужно было одеться.

Молодая девушка в форменной желтой рубашке поло и желтых шортах собирала с края бассейна нудлы для аквааэробики. Вера помахала ей.

– Да?

Бейджик, свисавший на нейлоновой леске с шеи девушки, сообщал, что ее звали Лиза. Она сложила нудлы горкой и улыбнулась профессиональной улыбкой.

– В парилке мертвая женщина.

В бассейне было так шумно, что Вера не боялась, что ее услышат окружающие.

Но девушка ее услышала. Улыбка исчезла с ее лица. Лиза молча уставилась на нее в ужасе.

– Я из полиции, – сказала Вера. – Инспектор Стенхоуп. Постойте здесь. Не заходите внутрь и никого не пускайте. – Лиза по-прежнему молча смотрела на нее. – Вы меня слышали?

Девушка кивнула – дар речи к ней, видимо, не вернулся.

В раздевалке было почти пусто, потому что занятие еще не закончилось. Вера достала сотовый из шкафчика и позвонила Джо Эшворту, своему сержанту. На мгновение она подумала соврать. «Я пила кофе в баре, и меня позвали, когда персонал обнаружил тело». Но, конечно, она этого не сделает. В парилке она потела, чихала. Там будет ее ДНК. Помимо ДНК бесчисленного количества других членов клуба. Да и сколько она зубоскалила над свидетелями, которые привирали, чтобы скрыть свое смущение?

Свободной рукой Вера натянула панталоны. Когда закончится занятие, люди выстроятся в очередь в парилку, и она не была уверена, что маленькая девчушка в желтом сможет их удержать.

Эшворт снял трубку.

– У меня тут подозрительная смерть, – сказала она. В конце концов, нет необходимости вдаваться в подробности того, как она сама к этому причастна. Она обрисовала детали. – Запускай процесс и тащись сюда.

– Почему смерть неестественная? Жара, перенапряжение, приходит на ум сердечный приступ. Может, кто-то в спортклубе пересмотрел по телику сериалов про полицейских? Сложил дважды два и получил пять?

– Бедняжку задушили.

Вера знала, что не права, но почему-то ожидала, что Эшворт может читать ее мысли, и всегда раздражалась, когда видела, что это не так. Да и стала бы она ему звонить из-за сердечного приступа?

– Я как раз в пути, – сказал он. – Заехал в этот модный магазин садоводства, чтобы купить маме подарок на день рождения. Буду через десять минут.

Она повесила трубку и продолжила одеваться. Каким-то образом юбка упала на купальник, и сзади появилось мокрое пятно. Как будто описалась. Выругавшись себе под нос, она вернулась к бассейну, обходя ванны для ног и лоя на себе взгляды неодобрения. Это не место для верхней одежды. Нужно было найти менеджера, но она не хотела покидать место преступления. Занятие по аэробике вот-вот закончится. Цепочка гарцюющих дам и пара мужчин

обходили бассейн. Музыка замолчала, и цепочка рассыпалась. Участники смеялись и болтали. Женщина в эластане прокричала в микрофон, что они все молодцы и что она с нетерпением ждет следующей встречи.

Вера улучила момент и выхватила микрофон из рук инструктора. Секунду помолчала. Ей всегда нравилось быть в центре внимания. Она знала, что над ней иногда посмеиваются, но ей это нравилось больше, чем когда ее игнорируют.

– Дамы и господа.

Они уставились на нее, растерянные от изменения привычного хода вещей этой женщиной, которая была здесь так неуместна. Что происходит? Может, демонстрация? Демократический фронт толстяков отстаивает права на нездоровый образ жизни? Так, по крайней мере, Вера расценила их реакцию. Но она была полностью одета, и это давало ей ощущение превосходства. Отсюда ей виднелись морщинистые шеи и обвисшие руки. Она смотрела сверху на непокрашенные корни волос.

– Я – инспектор Вера Стенхоуп, полиция Нортгумберленда. – Она взглянула поверх бассейна и увидела, как из раздевалки выходит Джо Эшворт с мужчиной в костюме. Видимо, кто-то из руководства отеля. Он приехал даже быстрее, чем она ожидала. – С сожалением сообщая, что в клубе скончался человек, и я прошу вас о содействии. Пожалуйста, вернитесь в раздевалки. После того как переоденетесь, вас попросят немного подождать в холле, пока мы соберем кое-какие детали. Мы постараемся задержать вас ненадолго, но, возможно, нам понадобится связаться с вами позднее.

Она посмотрела на Эшворта и его спутника. Оба кивнули в знак понимания.

Люди медленно выходили из бассейна. Всем было любопытно, все взбудоражились. Как кучка школьников, подумала Вера. По крайней мере, никто не будет жаловаться, что их заставили ждать, чтобы дать показания. В их жизни было слишком много свободного времени и слишком мало интересного. Трудно поверить, что кто-то из них – убийца.

Эшворт пошел вокруг бассейна, чтобы подойти к ней, за ним – человек в костюме. Незнакомец был молод, хотел угодить. Маленький, круглый и энергичный. Она беспокоилась, что руководство не захочет им помогать, ведь убийство может помешать делам, но этот человек, казалось, был так же взбудоражен, как пенсионеры в бассейне. Он стоял на подушечках пальцев ног и потирал руки. Вера подумала, что он размышляет о том, какую историю расскажет сегодня вечером подружке, когда доберется домой, и надеется, что эта история попадет в местные новости по телевизору. Сегодня все жаждут своего момента славы.

– Это Райан Тейлор, – сказал Эшворт. – Дежурный управляющий.

– Я могу чем-либо помочь, инспектор?

– Да. Организуйте чай и кофе, да побольше, и раздайте людям в холле. С печеньем и сэндвичами. Мы задержим их здесь надолго, а уже время обеда. Лучше их умаслить.

Тейлор колебался.

– Вы можете выставить им счет, – сказала она, уловив его сомнение. – С такими-то ценами на услуги они могут позволить себе заплатить пару фунтов за кофе.

Его лицо посветлело. Смерть чужой немолодой женщины не была для него такой уж трагедией, подумала она. Скорее, возможностью попиариться. Она думала, что он уйдет, но незнакомец только отошел на пару метров и тут же заговорил по рации, прикрепленной к поясу.

Лиза все еще стояла перед входом в парилку. Бледная. Интересно, открывала ли она дверь, чтобы заглянуть внутрь. От такой молоденькой девицы Вера скорее бы ожидала реакции, как у этого менеджера. Смерть должна казаться ей нереальной. Как первая сцена в драме по телевизору.

– Вы что-нибудь трогали? – спросила Вера. – Если трогали, ничего страшного. Но нужно сказать мне об этом. Отпечатки пальцев. Вы же понимаете.

Но отпечатки найдут только снаружи двери, подумала она. Внутри из-за пара ничего не получится. Пудра для снятия отпечатков превратится в месиво.

Наконец Лиза заговорила. Тонкий, застенчивый голос.

– Нет, – сказала она. – Я ничего не трогала.

– Вы в порядке, милая?

Девушка взяла себя в руки и улыбнулась.

– Да, конечно.

– Дежурите весь день?

– С восьми утра.

Вера натянула пару латексных перчаток, которые Джо дал ей чуть раньше. Настоящий бойскаут, Джо. Всегда готов. Опустив взгляд на пальцы в перчатках, она вспомнила о старике в шапочке для купания. Узнала бы она его, будь он в штанах? Может, и нет. Она открыла дверь в парилку.

– Загляните, – сказала она. – Не волнуйтесь. Не так уж это и ужасно. Но вы должны сказать мне, узнаете ли вы ее. Это сэкономит нам время.

За Лизой стоял Джо Эшворт, хмурясь и качая головой, полный неодобрения и негодования. Кажется, он считал женщин хрупкими цветами, которые не выжили бы без его защиты.

– Я не знаю имен, – сказала Лиза. – Работая в бассейне, никого лично не знаешь. Если ведешь занятие, то да, там немного иначе.

– Но все же вы могли бы сказать, является ли она постоянным посетителем. И она могла также посещать одно из ваших занятий.

Лиза помедлила, но потом заглянула внутрь.

– Вы ее видели прежде? – с напором спросила Вера. Что не так с этой девицей? Вера не умела работать с такими слабыми и чахлыми юными созданиями.

– Я не уверена. Они ведь все выглядят примерно одинаково, да?

«Наверное, да», – подумала Вера. Так же, как и все тощие молодые девушки казались одинаковыми ей.

– Можно выключить этот пар? – Вера не знала, что пар и тепло сделают с телом, но вряд ли они помогли бы его сохранить. – Я имею в виду, не заходя туда.

Тейлор наклонился к ней.

– Конечно, я сейчас устрою. – Он помолчал. – Я могу как-то еще помочь?

– Предполагаю, что она умерла этим утром, – сказала Вера. – Я имею в виду, что ночью здесь, наверное, убирались и заметили бы, если бы она была в парилке.

– Да. Конечно.

Прозвучало несколько натянуто.

– Точно? Мы здесь убийство расследуем. Мне наплевать на вашу санитарию.

– У нас были какое-какие трудности с уборщиками. Пара девушек, которые обычно тут работают, на больничном. Я нанял временного сотрудника, но он не блещет. Я не говорю, что он тут не убирался, но я бы не удивился, если бы узнал, что он свалил пораньше.

– Где вы его нашли? – Вера старалась говорить безразлично, но ощутила искру интереса. Новый член команды. Мертвая клиентка. Это не значит, что обязательно есть связь, но, если бы временный уборщик признался в убийстве этой женщины, это бы сильно упростило жизнь. Или если бы женщина оказалась его женой, проживающей отдельно.

– Это сын нашего администратора. Учится в университете, приехал домой на каникулы.

– Ясно. – Могла бы догадаться, что все не может быть так просто. – Мне нужно с ним поговорить. И со всеми, кто был на службе.

Она подумала, что лучше ей опросить персонал, оставив чертовых жизнерадостных стариков Эшворту с его ангельским терпением.

– У вас есть список всех членов клуба, приходивших сегодня?

У них оказалась электронная система входа с магнитными картами. Она предположила, что в каждой карте встроен индивидуальный чип, который не только открывает турникет, но и регистрирует посещение.

– Да, – ответил он, но его голос снова прозвучал неуверенно. – Вся электроника осуществляется в штаб-квартире в Танбридж-Велсе. Думаю, у них есть записи.

Вера подумала, что предоставит это Холли. Скучная работа – висеть на телефоне, пока какой-нибудь задрот колдует над компьютером. Холли, ее новый констебль, была молода, красива и сообразительна, и этот айтишник, даже не видя ее, захочет доказать, насколько он умен. Еще Холли иногда немного задавалась, и Вера время от времени давала ей скучные поручения, чтобы поставить ее на место.

– К бассейну могут пройти только члены клуба?

– Теоретически – да, – ответил Тейлор. – Если только ее не пригласил кто-то, кто является членом клуба. В таких случаях мы просим члена клуба предъявить на ресепшене свою карту и зарегистрировать гостя.

Вера прокрутила в голове, как она сама приходит в клуб. Вечно спешит, зачастую прикладывает карту обратной стороной, и турникет не срабатывает, она роняет полотенце от волнения, задерживает людей в очереди. Но на ресепшене обычно была какая-нибудь женщина в желтом, которая помогала ей собраться.

– Вы сказали «теоретически», – ответила Вера. – А как на практике? Насколько было бы сложно постороннему пройти внутрь?

– Вообще не сложно. Вы знаете, как тут все устроено, но систему всегда можно обойти.

– Как, например?

Что-то в этом маленьком круглом человечке начало ее раздражать. Наверное, его хорошее настроение. Ничто, казалось, не выбьет его из колеи. Счастливые люди ее бесили.

– Ну, можно сказать, что вы забыли свою карту. Такое происходит постоянно. Мы попросили бы вас расписаться, но не стали бы сверять вашу подпись со списком членов клуба. Карен на ресепшене просто открыла бы для вас проход.

– Значит, можно расписаться как угодно?

– В общем-то, да.

– А как еще можно обойти систему?

– Взять карту у друга. Мы уверены, что так делают постоянно, особенно молодежь. На каждой карте есть фотография, но обычно мы на них не смотрим. Она нужна просто для психологического эффекта, как и все остальное.

Казалось, его не особенно заботит, что систему обходят. Его это, скорее, забавляло.

– Отлично, – сказала Вера. – Просто отлично.

Но, по правде говоря, ее заинтриговали сложности, возникшие в этом деле. Она была хорошим детективом, и ей не так уж часто выпадал шанс это доказать.

Глава третья

Конни ждала на улице, у входа в церковный зал, залитый весенним солнцем. У скамьи по другую сторону дороги цвели кустики примул. Когда-то она бы сочла эту картину идиллией: солнце светит, из открытых окон зала доносятся голоса детей, птицы поют в кустах вдоль ручья и на деревьях, растущих по периметру церковного двора. После снежной и дождливой зимы было приятно увидеть синее небо. Но сейчас она испытывала лишь напряжение, как и каждый раз, когда приезжала забрать Элис. Вокруг ходили другие матери, которые пришли забрать детей из дошкольной группы. Конни всегда старалась приехать первой. Она терпеть не могла, как они сворачивали головы, то и дело фальшиво жалостливо улыбаясь, и с упреком молчали все то время, пока она шла мимо них, чтобы встать в очередь.

Воспитательница открыла дверь, и Конни прошла внутрь впереди всей толпы. Лучше просто забрать дочь и убраться отсюда. Элис сидела на мате, спина прямая, ноги сложены по-турецки. Она заметила мать и широко ей улыбнулась, но не сдвинулась с места. Конни хотелось сказать ей: «Не старайся так сильно, милая. Не закливайся на том, что они все думают о тебе». Но Элис хотела быть популярной у других детей и хотела нравиться немолодой женщине, которая вела группу. Только ночью ее самоконтроль отступал. Тогда она мочилась в постель, мучилась кошмарами и, дрожа, забиралась к Конни, чтобы уснуть. Утром она отказывалась говорить о том, что терзало ее ночью. Конни так и не выяснила причину страшных снов, но догадывалась. Ее тоже преследовали воспоминания о том, как за ними по улице гнался табун репортеров.

– Элис, твоя мама пришла.

Это была тетя Элизабет. Воспитательниц все называли «тетями». Элизабет была полной и приятной. Жена викария. Конни казалось, что ей не терпится влезть к ней в дом и в голову. Может, она считала, что ее вера давала ей право быть любопытной и подглядывать за чужими жизнями. Конни понимала эту тягу: всю свою жизнь ей тоже приходилось быть любопытной из-за работы. Но она знала, что Элизабет приглядывает за Элис, и чувствовала благодарность за это. Девочка вскочила на ноги и побежала к матери. Наверное, дети играли на улице на солнце, потому что ее веснушки казались ярче, а на коленке на джинсах налипла грязь. На секунду Конни подумала, не смеялись ли над ней, представила себе, как ее толкают, как дети отыгрывают на ней неприязнь и жестокость своих матерей. Но так думать нельзя. Это путь к параною и безумию.

Она взяла Элис за руку и повела ее к столу, где были разложены на просушку рисунки, слепки с ладоней и аппликации из макарон. Остальные матери собрались вокруг Элизабет, и, пока Элис искала свои творения, их разговоры проникали в сознание Конни.

– Вероники сегодня нет?

Вероника не была одной из «тетей», она была председателем комитета дошкольной группы. Она преследовала Конни во снах. Тощая длинная хищница в кардигане от «Маркс энд Спенсер» и с ярко-красными губами. Она часто бывала в церкви, когда сюда приходили матери, собирала неоплаченные взносы и пирожные для следующей барахолки.

– Нет. – Голос Элизабет звучит легко и спокойно. Конни не могла понять, как жена викария относилась к Веронике. – Мне тоже нужно с ней поговорить. Зайду к ней по дороге домой. Такая прекрасная погода, наверное, она решила провести день у себя в саду. Кажется, Кристофер сейчас в отъезде по работе.

Конни механически взяла рисунки, которые протянула ей Элис.

– Чудесно, – сказала она. – Повесим их на кухне, когда будем дома, хорошо?

Ее голос звучал отстраненно. Она слушала, что еще скажут о Веронике, и впервые была рада, что задержалась. Но разговор пошел о распределении школьных мест, о каких-то обще-

ственных делах в пабе. О Веронике забыли, и Конни ушла, по-прежнему держа Элис за руку и ни с кем не разговаривая.

Конни сняла домик у реки, когда уехала из города. Ей отчаянно хотелось сбежать – все равно куда. Дом принадлежал друзьям родителей Фрэнка. Им было уже лень искать постояльцев среди тех, кто приезжает в отпуск, и сами они им не пользовались, так как оба еще работали. Они купили домик в качестве инвестиции, чтобы отложить на пенсию, прежде чем рынок недвижимости обвалился. Фрэнк даже предлагал Конни пожить в его доме, когда все пошло наперекосяк. Ради Элис, поспешно добавил он, чтобы не возникло недоразумений. После развода он не стоял на месте, в его жизни была новая женщина. Но для них нашлась бы пустая комната, пока репортерам не надоест ночевать у ее ворот. Тогда она была в таком отчаянии, что чуть не согласилась. Возможно, Фрэнк понял, что все может кончиться вторжением в его жизнь пары нежелательных жильцов, потому что предложение об аренде коттеджа в долине Тайна поступило довольно скоро. Конни представила себе, как он обзванивает всех своих дружков. «Выручи меня. Наверняка ты знаешь, где она могла бы пожить. Да, может, она и виновата во всем сама, но Элис не должна из-за этого страдать. Мне придется позволить им припарковаться у меня, если ничего другого не найду». Он все еще употреблял слова вроде «припарковаться». Он был художественным директором одного театра в Ньюкасле, а его новая женщина – молодым дизайнером.

Дом, известный под названием Мэллоу-Коттедж, снаружи выглядел симпатично. Традиционная каменная кладка, черепичная крыша, небольшой сад, ведущий к ручью, который впадал в реку сразу за маленьким мостиком. Внутри же было темно и сыро, но Конни с этим смирилась. Первая пара недель прошла отлично. Она записала Элис в дошкольную группу, начала заводить знакомых. Женщины, по крайней мере те, которые приглашали ее на кофе, отпускали своих детей к ним поиграть с Элис. Конни решила воспользоваться своей девичьей фамилией. Она развелась уже довольно давно, так что фамилия Фрэнка не была для нее важна. Может, ей удастся скрыться за этой анонимностью, может, даже снова найти работу, ведь интерес публики уже рассеялся. В конце концов, ей нужны были деньги. Она не могла вечно жить на сбережения и подачи Фрэнка. Она надеялась, что по возвращении на работу кошмары перестали бы ее мучить.

А потом в газете вышла статья, посвященная первой годовщине смерти Элиаса. С фотографией Конни, испуганной, в слезах выходящей из здания суда. И вдруг ее перестали звать на кофе. Кроме Элизабет, которая действовала исключительно в рамках профессионального этикета. Никто не звал Элис на чай. Начались перешептывания, косые взгляды. Некоторые женщины пытались быть дружелюбными чисто из любопытства, но Конни поняла, кто всем этим руководит – Вероника Элиот. «Если будете с ней дружить, получится, что вы ее соучастница. Вы этого хотите? Хотите, чтобы люди подумали, что вы такая же, как она? Не знаю, почему у нее не отобрали ее дочь». Слова звучали по-детски нелепо, как будто от лидера банды восьмилеток на игровой площадке, но возымели действие. Это было что-то вроде правила травли. Никто не перечил Веронике. И тогда Конни стали встречать молчанием в очереди у церкви, провожать ледяными взглядами по дороге на почту, где она получала детское пособие.

Прежняя Конни постояла бы за себя. «Слушай, ты, тупая корова, дай мне хоть объясниться». Но после того как ее целый год допрашивала и вызывала в суд полиция, весь боевой дух ее покинул. Кроме того, жалеть себя казалось аморальным. После смерти Элиаса она отказалась от этого права. Так что она ходила по деревне ссутулившись, не ожидая ни общения, ни ласки. Она словно истончилась. Иногда ей хотелось и вовсе исчезнуть, чтобы ее видела только Элис. Ее единственной отрадой была половина бутылки вина, которую она позволяла себе вечером, когда дочь спала. Конни почти радовалась ночам, когда Элис мочилась в постель и приходила к ней спать, – тогда ей было за кого держаться.

Они как раз вышли на улицу, когда пришел посетитель. Может, он был там все это время, смотрел снизу с моста, невидимый за деревом. В один из своих приездов в коттедж Фрэнк привязал к яблоне, растущей в углу небольшого сада над ручьем, толстую веревку. Элис качалась на ней, как на тарзанке. В сентябре она пойдет в школу. Она была крупной и сильной для своего возраста. Бесстрашной перед физическими испытаниями. Она цеплялась за веревку, разбегалась и, оттолкнувшись от земли, взлетала в воздух. Конни хватало ума не комментировать. Нельзя было проецировать свои страхи на дочь. Но она быстро отворачивалась, чтобы не видеть, как Элис взлетала, и кусала губы, чтобы не закричать: «Осторожнее, милая. Пожалуйста, осторожнее».

Элис качалась на тарзанке. Яблоня цвела бутонами и ярко-зелеными молодыми листочками, дорогу не было видно из-за кроны. Конни пила кофе, который приготовила после обеда. Потом Элис крикнула «Привет!» кому-то, кого Конни не видела, и у ворот появился незнакомец. Он остановился, глядя на них. Сначала Конни подумала, что это какой-то репортер, который их отследил. Она боялась этого с тех пор, как они переехали в долину. Мужчина был молодой, с приятной улыбкой, очаровательный. Точно репортер. За плечом он нес рюкзак, в котором могла бы поместиться камера. Впрочем, вязаная шапочка придавала ему вид походника, так что, может, он просто гулял вдоль берега реки.

– Я могу вам помочь? – прозвучало так резко, что только что приземлившаяся Элис посмотрела на нее с удивлением.

Он, казалось, тоже немного оторопел. Улыбка дрогнула.

– Простите. Я не хотел вам мешать.

Не журналист, подумала Конни. Журналисты не просят прощения. Даже очаровательные. Она взмахнула рукой в знак извинения.

– Вы меня поймали врасплох. У нас мало посетителей.

– Я кое-кого ищу, – сказал он. Голос звучал уверенно.

– Да? – снова спросила она настороженно. Тело напряглось в готовности отпугнуть его, если он позовет ее по имени или попытается пройти через ворота.

– Миссис Элиот. Веронику Элиот.

– А-а... – Она почувствовала облегчение и любопытство. Что ему нужно от Вероники?

– Вы ее знаете?

– Да, – сказала Конни. – Конечно. Она живет в том белом доме в конце улицы. Прямо за перекрестком. Мимо не пройдете.

Он на секунду задержался, прежде чем развернуться, и она добавила:

– Если вы на машине, то внизу дороги есть карман для стоянки, где можно развернуться.

Причин не вести себя дружелюбно больше не было, к тому же ей стало любопытно. Машину она не видела.

– Нет, – сказал он. – Я не за рулем. Приехал на автобусе.

– Вот это да, смело! Вы рассчитываете вернуться домой сегодня вечером?

Он улыбнулся. Она подумала, что не может определить его возраст. Точно моложе ее, но ему могло быть от восемнадцати до тридцати. Она знала, что у Вероники есть взрослый ребенок, конечно же, образцовый потомок, читавший лекции по истории в Дареме. Но его друзьям наверняка было бы известно, где живет Вероника.

– Через пару часов должен быть обратный автобус до Хексема, – неуверенно сказал он. – И, если что, я могу взять такси.

– Вы родственник? – Она поняла, что это был первый нормальный разговор за много месяцев, и ей хотелось его продлить. «Как печально, – подумала она, – что мы до этого докатились!»

Он медлил с ответом. Простой вопрос, казалось, выбил его из колеи.

– Нет, – ответил он наконец. – Не совсем.

– Не думаю, что она дома, – сказала Конни. – Когда я шла из деревни, машины перед ее домом не было. И я слышала, что ее муж Кристофер уехал по работе. Хотите зайти на чашку чая и подождать? Если Вероника уехала на обед, она скоро вернется, и мы увидим отсюда ее машину.

– О, ну, если вас это не сильно затруднит.

И он открыл ворота и прошел в сад. Вдруг он показался не таким нервным, почти заносчивым. Конни на мгновение запаниковала. Что она наделала? Ей показалось, что она впустила в свою крепость беду. Молодой человек сел рядом с ней на деревянную скамейку с отлупливающейся белой краской и вежливо ждал. Она предложила ему чай, и он ждал, когда она его принесет. Но кухня была в задней части дома, и оттуда она не смогла бы присматривать за Элис. Конни казалось невозможным оставить дочь здесь с незнакомцем.

– Элис, пойдем со мной. Будешь официанткой. Принеси печенье.

Она надеялась, что у нее найдется печенье, потому что слова подействовали и Элис послушно поскакала за ней в дом.

Они поставили все на поднос поднос. Чайник, чашки, молочник и сахарница. Сок в стакане для Элис. «Я прожила в деревне слишком долго. Еще немного, и стану членом Женского института». Но это была плохая шутка. Вероника Элиот была председателем Женского института, и, конечно, Конни ни за что бы не пригласили туда, даже если бы она хотела присоединиться. Они вышли в сад. Конни несла поднос, а Элис шла за ней с печеньем на тарелке с цветочками. Но когда они обошли дом и вышли на солнечную сторону с видом на дорогу и реку, белая скамейка была пуста. Молодой человек исчез.

Глава четвертая

Когда Вера была ребенком, «Уиллоуз» считался уважаемым семейным отелем, известным на все графство. Одно из немногих ее воспоминаний о матери связано с тем, как однажды они втроем там обедали. Возможно, на день рождения матери. Наверняка это Гектор придумал. Ее отец всегда любил широкие жесты. Что они ели, она не помнила. Наверное, еда им не сильно понравилась. Послевоенные времена. Какой-нибудь переваренный шматок мяса и посеревшие от варки овощи. Но во всем этом было некое очарование. На рояле в углу играла женщина в длинном платье. Гектор громко, будто играя на публику, заказал шампанское, ее мать выпила два бокала и повеселела. Остальное, конечно, выпил Гектор.

Когда-то это был большой загородный дом, и через парковку все еще проходила извилистая подъездная дорога. Его построили на излучине реки, и, когда стоишь там, кажется, что ты на острове, – особенно в это время года, когда вода в Тайне поднималась от талого снега. Границы территории отмечали боскеты с ивами, корни которых сейчас были под водой. Местные историки говорили, что когда-то здесь жил один из археологов, проводивших первые работы по исследованию Вала Адриана, и в библиотеке, и в холле висели выцветшие сепии, изображавшие раскопки, мужчин в брюках гольф и женщин в длинных юбках.

Недавно отель выкупила небольшая сеть гостиниц с главным офисом на юге. Подвал превратили в фитнес-клуб, и ощущение, что это было место для очень состоятельных и роскошных людей, исчезло. Они даже Веру к себе пустили, боже! Но все же здесь сохранились некоторые требования. В обеденном зале джентльмены должны были находиться в пиджаке и галстуке. Хотя на мебели со временем появились царапины и потертости, было видно, что когда-то она могла претендовать на звание «роскошной».

В фитнес-клубе все еще царила атмосфера волнения и хаоса, но Вера чувствовала себя во главе всего и была счастливее, чем за многие месяцы до этого. К черту весь этот спорт. Интересная работа – то что надо, чтобы почувствовать себя по-настоящему живой.

Приехал криминалист, Билли Уэйнрайт, чтобы взять контроль над местом преступления в свои руки. Помещение очистили от пара, но все поверхности были влажными от конденсата.

– Ты хоть понимаешь, что это, пожалуй, худшее место преступления, что я когда-либо видел? Половина Ньюкасла могла побывать здесь, не оставив и следа.

Как будто это Вера была виновата. Билли Уэйнрайт был известен в полиции своей красивой женой и бесконечными романами. Гениальный криминалист, однако паршивый человек. Вера стояла в стороне, но, глядя через открытую дверь на то, как он работает, смогла получше рассмотреть убитую женщину. Типичная посетительница фитнес-клуба «Уиллоуз». Ухоженная, среднего возраста, но тело выглядит молодо. Она заметила, что к бретельке купальника был приколот ключ от шкафчика.

– Какой там номер, Билли?

Он осторожно взял его толстыми пальцами в перчатках.

– Тридцать пять.

Она думала, что Тейлор, дежурный управляющий, уйдет. Наверняка у него есть масса важных дел. Но он все еще был у бассейна, нелепо выделяясь в своем костюме и блестящих черных туфлях. Он снова говорил по рации. Вера зашагала к нему и нетерпеливо ждала, пока он закончит.

– Извините, – сказал он. – Пытаюсь перенести пару встреч, чтобы в холле никого не было, кроме ваших свидетелей. У нас тут проходит конференция управляющих кадрами.

– Полагаю, у вас есть ключ от всех шкафчиков.

– Да.

– Ну так дайте мне его.

Почему она с ним так резка? Он старался помочь. Возможно, дело в его нежелании уйти и дать им работать. В том, что ему, очевидно, нравилось быть вовлеченным в расследование, пусть лишь в роли наблюдателя. «Мне позволено тащиться от этого, – подумала она, – потому что это моя жизнь. А это просто какой-то вуайерист».

Итак, он хотя бы отошел от бассейна и двинулся через раздевалки к ресепшену у турникетов. Из холла сверху доносились взволнованные разговоры, стук кофейных чашек. Эшворт позвал пару констеблей, чтобы быстрее записать показания, но было очевидно, что процесс затянется. Как Вера и предположила, большинство пожилых посетителей отнеслись к этому как к бесплатному развлечению и не торопились уходить. Тейлор поговорил с женщиной на ресепшене.

– Можешь дать мне ключ от шкафчиков, дорогая?

Как будто к ребенку обращался. Вера подумала, что, если бы Тейлор стал говорить с ней в таком тоне, она бы ему врезала. Женщина на ресепшене была старше его, лет за сорок, но старалась скрыть свой возраст. Черные волосы, густая тушь на ресницах. Бейджик гласил, что ее зовут Карен.

– Это ваш сын тут работает временным уборщиком? – спросила Вера.

Карен повернулась, чтобы снять ключ с крючка на стене позади нее.

– А что? Какое он имеет к этому отношение?

– Может, и никакого. Но мне нужно с ним поговорить. Он сегодня на работе?

Карен положила ключ на стойку.

– Он работает по вечерам. Придет не раньше четырех.

– Мы не спешим, – спокойно сказала Вера. – Значит, поговорю с ним потом.

Перед входом в раздевалку стояла на страже женщина-констебль, и здесь Вера отправила Тейлора прочь.

– Больше нет необходимости вас задерживать. Тут я справлюсь сама.

Она думала, что он начнет с ней спорить, но Тейлор вовремя взял себя в руки и улыбнулся. Вера смотрела, как он шел по лестнице и как от полированных каблуков его туфель отражался свет, пока тот не исчез из виду.

Вера узнала офицера на страже, но не могла вспомнить, как ее зовут.

– Там чисто?

– Да.

– Билли Уэйнрайт все посмотрел?

– Он сказал, ничего хорошего из этого не выйдет. – Женщина расплылась в улыбке. Интересно, что такого было в этом мужчине. Вроде не красавец. Наверное, его отзывчивость. Умение слушать. Возможно, они делали его привлекательным.

– Я уже была в раздевалке, – сказала Вера. – Так что ничего страшного, если вы меня пропустите туда снова.

Женщина пожала плечами. Вера была главной, и, кроме того, все это мало касалось констеблей. В раздевалке все еще работал телевизор, висевший высоко на стене. «Скай Ньюс» показывали президента США и первую леди, посещавших какую-то экзотическую страну. Африканские дети в белых накрахмаленных рубашках и женщины, завернутые в покрывала из яркого батика. Шкафчик мертвой женщины был рядом с тем, которым в этот день пользовалась Вера. Она натянула новую пару перчаток. Замок не поддавался, и на секунду она усомнилась, откроется ли он, потом навалилась плечом на дверь и нажала, чтобы сработал механизм. Дверца распахнулась.

Вера заглянула внутрь, ничего не трогая. Одежда была аккуратно сложена. Юбка в цветочек, белая рубашка, почти такая же накрахмаленная, как на детях в новостном сюжете, темно-синий хлопковый свитер. Кружевное белье, белое, как будто только что из магазина. Как женщинам это удается? Ее белье становилось серым после первой же стирки. И она никогда не

покупала ничего такого шикарного. Под одеждой стояла пара сандалий. Видно, что удобные, из мягкой кожи. Но при этом стильные, на небольшом каблучке, кожаные тесемки переплетались и крепились на шиколотке. Вера такие не надела бы ни за что в жизни.

По телевизору молодая девушка с придыханием зачитывала прогноз погоды. Следующие пару дней будут непривычно теплыми и солнечными для этого времени года. «Чудесная весенняя погода». Вера обернулась и увидела фотографию пушистых сережек на деревьях. А у людей, владевших небольшим хозяйством по соседству с ней, все еще не завершился период ягнения овец. Обычно на этих северных холмах весна приходила позже.

Сумочки не было. Вере это показалось странным. Разве не каждая женщина ходит с сумкой? Даже Вера носила свои вещи в холщовой сумке для покупок. Впрочем, она нашла кошелек, засунутый в один из рукавов темно-синей кофты. Может, оставила сумку в машине, потому что она не влезла бы в шкафчик? С одной стороны кошелек была прикреплена связка ключей на металлической застежке. Открыв кошелек, Вера увидела карту клуба. Фото маленькое и зернистое, но это точно она. Там было имя. Дженни Листер. Сорок один год. Вера дала бы ей на пару лет меньше. Адрес – Барнард-Бридж, деревня в долине Тайна, милях в пяти отсюда. Очень мило, подумала Вера. Примерно то, чего она ожидала. Но зачем кому-то убивать женщину средних лет из богатой деревни в сельском Нортгумберленде?

Она покопалась в содержимом кошелька. Пара кредитных и дебетовых карт на то же имя и двадцать фунтов наличными. На одной из кредитных карт значилось «миссис Дженни Листер». Значит, есть и муж или когда-то был. Если они жили вместе, возможно, он еще не вернулся с работы. Вера посмотрела на часы. Больше трех. Может, они сидели сегодня вдвоем за завтраком, обсуждали планы на день. А теперь он даже не знает, что случилось с его женой, не волнуется за нее. Если только, конечно, он не проследил за ней и не задушил ее.

* * *

В холле наверху Эшворт с коллегами почти закончили опрашивать участников занятия по аквааэробике. Он сидел в небольшом кабинете, приглашал людей по одному, чтобы взять их контакты и спросить, были ли они в парилке и не заметили ли чего-то необычного. Табличка на двери кабинета гласила: «Райан Тейлор, заместитель управляющего».

– А кто управляющий? Главная шишка? – спросила Вера, на мгновение отвлекшись.

– Женщина по фамилии Франклин. Она уехала в отпуск. В Марокко.

– Прекрасно. – Вера сказала это на автомате, но знала, что ей бы не понравилось за границей. На жаре она вся покрывалась пятнами.

Эшворт был весь в своих мыслях, дописывал заметки по последнему допросу.

– У нас есть имя, – сказала Вера. – Дженни Листер. Живет в Барнард-Бридж.

– Недешевый район. – Эшворт оторвал взгляд от листка бумаги.

– Я подумала, что отправлюсь туда сейчас. Возможно, у нее дети школьного возраста. Лучше я сразу скажу им, что случилось, чем они начнут звонить ее друзьям и выяснять, где она, наделав шума и суеты.

– Хорошо, – ответил Эшворт. – Хотите, чтобы кто-нибудь поехал с вами?

– Думаю, я и сама найду дорогу.

Вера знала, что ей не положено рыскать по дому убитой и разнюхивать что-то о семье. На каждой аттестации ей снова и снова говорили, что ее роль – стратегическая. «Вы должны научиться делегировать задачи, инспектор». Но ей это удавалось лучше, чем кому-либо еще в ее команде, так зачем делегировать кому-то, кто был хуже ее?

– Что прикажете делать, когда я закончу здесь?

– Поговори с персоналом, – сказала Вера. – Я собиралась сделать это сама, но лучше я поеду к дому. Здесь эта девушка, Лиза. Она мне показалась какой-то дерганой, возможно, с

ней что-то нечисто. Женщину на ресепшене зовут Карен. У нее есть сын, студент, который работает здесь временным уборщиком на время пасхальных каникул. Поговори с ним. Надо проверить, убирался ли он в парилке вчера вечером. Возможно, тело пролежало тут всю ночь. Маловероятно, потому что, скорее всего, кто-нибудь заявил бы о ее пропаже, но с ним все равно нужно поговорить. Узнай, не вспомнит ли кто жертву. Тейлор наверняка сможет распечатать фотографию с клубной карты. Они делают снимок, когда записываешься в клуб, значит, они их хранят где-то на компьютере.

– Вы что, в клубе? – Эшворт еле сдержал улыбку.

Вера проигнорировала его вопрос.

– Покажи фотографию персоналу, посмотри, не узнают ли они ее. И пусть Холли выяснит у этого компьютерщика, в какое время Дженни пришла в клуб сегодня утром. – Она сняла ключи от машины с кольца для ключей, которое было на кошельке Дженни. – Когда поговоришь с персоналом, посмотри, здесь ли ее машина. Лучше возьми с собой криминалиста. Пусть поработают с ней как с местом преступления. Думаю, сумка жертвы все еще может быть внутри. Если так, дай мне знать.

– Я сообщу жене, что буду поздно. – Слова прозвучали с сарказмом, но Вера сделала вид, что не обратила внимания.

– Ага. Я встречу с тобой тут, если быстро закончу. Если нет – позвоню. Завтра с утра совещание в участке. Они организовали временный штаб для расследования?

– Холли этим занимается. Чарли тут, помогает мне собирать показания.

Вера кивнула. Она подумала, что надо дать Холли завтра заняться чем-то поинтереснее. Она не была строгим боссом. Не по-настоящему. Она знала, что нужно, чтобы ее войска были довольны. Проходя по парковке, Вера поняла, что умирает с голоду. Перед тем как пойти плавать, она взяла сырный пирожок в кафе «У Грегга», и он все еще лежал в сумке на пассажирском сиденье ее машины. Он немного замаслился и нагрелся за целый день на солнце, но в нем не было мяса, так что пропасть не должен был. Она с удовольствием его съела и отправилась на юго-запад, к Тайну.

Деревня Барнард-Бридж находилась на западе от отеля, по дороге в Камбрию. Эта местность была Вере незнакома. Она выросла на холмах, большинство преступлений на подведомственной ей территории совершались в городе или в постиндустриальных деревнях на юго-востоке графства. Это же была богатая земля фермеров. Домики в таких местах и небольших ярмарочных городах покупали профессионалы, ищущие хорошей жизни, и поборники защиты окружающей среды, которые, казалось, примирили свои зеленые убеждения с ежедневными поездками на работу по трассе А69 в Ньюкасл, Хексем и Карлайл и обратно. Это была территория фермерских рынков, независимых книготорговцев и писателей. Немного южной Англии, перенесенной на север. Так Вере казалось. Но в ней таилась бездна обиды на весь мир, размером с Килдерский лес. Почем ей знать? Она никогда не чувствовала себя комфортно среди интеллигенции.

Глава пятая

Дом был скромнее, чем Вера ожидала. Один из террасных домов вдоль главной улицы, проходившей через деревню. Она припарковалась прямо перед входом. На часах – пять часов вечера, кругом тишина. Магазинчик на углу еще работал, но покупателей не было. В это время дети пили чай, а люди, работавшие в большом городе, еще сидели в офисах или только выдвигались домой. Она постучалась в дверь, не рассчитывая, что ей ответят, но почти сразу же услышала звук шагов и щелчок замка.

– Опять ключи забыла? – Слова произнесли еще до того, как дверь полностью открылась. В голосе звучал смех. – Мам, ну правда, сколько можно.

Потом девочка увидела Веру, замолчала и улыбнулась.

– Извините, я думала, это... Чем я могу вам помочь?

– Твоя мама – Дженни Листер?

– Да, но, боюсь, ее нет дома.

– Я из полиции Нортумберленда, милая. Думаю, лучше мне войти.

Она увидела панику, которая всегда поднимается, когда на пороге неожиданно появляется офицер полиции. Девочка отошла в сторону, дав Вере пройти в узкий коридор, и засыпала инспектора вопросами:

– В чем дело? Авария? Вы приехали, чтобы забрать меня в больницу? Нужно выезжать?

Вера села за кухонный стол в задней части дома. Стены были желтого цвета, и их подсвечивало закатное солнце. Снова Вера увидела не то, чего ожидала. Она представляла себе, что Дженни – домохозяйка, купающаяся в праздности и роскоши благодаря трудоголику-мужу, но этот дом больше был похож на студенческое жилье. Кухня выходила на небольшой садик, воскресные газеты все еще лежали на столе, у плиты стояла бутылка красного вина, наполовину опустошенная и заткнутая пробкой.

– Вы тут живете вдвоем с мамой? – спросила Вера. На большой пробковой доске для заметок, висевшей на стене, были приколоты фотографии. Жертва с девочкой, обе улыбаются на камеру. Без сомнения, это она. Вере вдруг стало очень грустно. Похоже, убитая была приятной женщиной. Ведь приличные женщины тоже могут ходить в фитнес-клубы.

– Да, мой папа ушел, когда я была маленькой.

Матовая кремовая кожа девочки оттеняла ее рыжину – люди с таким оттенком волос всегда бледноваты. Одеты она была в джинсы и длинную хлопковую майку с цветами. Она стояла босиком. Дочь жертвы страдала излишней худобой, – сложно было определить возраст. Может, выпускной класс. Девушка была приятной и вежливой, без этой подростковой злобы, о которой все пишут. Она по-прежнему стояла, прислонившись к подоконнику, и смотрела на улицу.

– Присядь, – сказала Вера. – Как тебя зовут, дорогая?

– Ханна. – Девушка села на стул напротив Веры. – Пожалуйста, объясните, в чем дело.

– Боюсь, говорить об этом будет непросто, милая. Твоя мама умерла.

Вера наклонилась вперед и взяла Ханну за руки. Нет смысла говорить, что ей жаль. Чем это поможет? Ее собственная мать умерла, когда она была еще младше, чем эта девочка. Но ее поддерживал Гектор, хоть он и вел себя как эгоцентричный придурок. Это лучше, чем ничего.

– Нет! – Девочка посмотрела на Веру чуть ли не с жалостью, как будто та совершила какую-то нелепую ошибку. – Моя мама не больна. Она в хорошей форме. Плавает, ходит на пилатес, танцует. Только что пошла на занятия фламенко. – Она замолчала. – Это что, авария? Но она очень осторожно водит. До невроза. Вы, наверное, что-то перепутали.

– Она посещает фитнес-клуб в «Уиллоуз»?

– Да, я купила ей абонемент. В прошлом году ей исполнилось сорок. Я хотела подарить что-то особенное, надавила на отца и выудила из него деньги.

Кажется, что до девушки начало доходить, о чем речь, и она уставилась на Веру в ужасе.

– Она умерла не естественной смертью. – Вера взглянула на нее, чтобы убедиться, что девочка понимает, что она говорит, и увидела, как по красивым щекам в молчании катятся слезы. Кажется, девочка потеряла дар речи. Вера продолжила: – Ее убили, Ханна. Кто-то ее убил. Это тяжело. Слишком тяжело, но мне придется задать тебе несколько вопросов. Моя задача – выяснить, кто ее убил. И чем скорее я узнаю о ней все, тем быстрее я смогу это сделать.

– Можно мне ее увидеть?

– Конечно. Я сама отвезу тебя в больницу, если захочешь. Но это можно будет сделать только вечером или, возможно, завтра.

Ханна сидела напротив Веры спиной к окну. Волосы светились, озаренные солнцем, как нимб.

– Хочешь, я позвоню твоему отцу и попрошу приехать?

Лучше действовать по уставу.

– Нет. Он в Лондоне. Он теперь живет там.

– Сколько тебе лет, Ханна?

– Восемнадцать. – Она ответила механически, слишком шокированная, чтобы возмутиться вопросом.

Значит, взрослая. Опекун не нужен. По крайней мере, по закону. Но все равно она выглядела как ребенок.

– Есть кто-нибудь, с кем бы ты хотела побыть? Родственник?

Она посмотрела на Веру.

– Саймон. Пожалуйста, позовите Саймона.

– А это кто?

– Саймон Элиот. Мой парень.

Она помолчала. Потом, несмотря на печаль и шок, поправилась, немного воодушевившись от этих слов:

– Мой жених.

Вере хотелось улыбнуться. Значит, они спят. Кто сейчас женится в таком юном возрасте? Но она продолжила говорить серьезным тоном:

– Он живет поблизости, да?

– У его родителей этот большой белый дом на другом конце деревни. Вы проезжали мимо. Он учится в Дареме. Приехал домой на пасхальные каникулы.

– Может, ты ему позвонишь? Попроси зайти. Или хочешь, чтобы я с ним поговорила?

Вера подумала, что родители мальчика смогут позаботиться о Ханне, если больше у нее никого нет. По крайней мере, пока они не свяжутся с отцом и не привезут его из Лондона.

Ханна уже достала сотовый и набирала номер. В последний момент, когда он начал звонить, она передала телефон Вере.

– Вы не против? Я не могу об этом говорить. Что я скажу?

– Эй, привет. – Голос звучал ниже, чем Вера ожидала, тепло и сексуально. Она подумала, что с ней никто не говорил в таком тоне.

– Это инспектор Вера Стенхоуп из полиции Нортумберленда. Произошло несчастье. Мама Ханны умерла. Ханна попросила меня связаться с вами. Вы можете приехать? Нужно, чтобы кто-то с ней побыл.

– Сейчас буду. – Телефон отключился. Ничего лишнего. Вера обрадовалась, что Ханна не спуталась с каким-нибудь идиотом.

– Он в пути, – сказала она.

Пока они его ждали, Вера заварила чай. Ей ужасно хотелось выпить чашку чая, да и голод не особенно утолился пирожком. В таком доме наверняка найдется печенье. Может, даже домашний пирог.

– Чем твоя мама зарабатывала на жизнь?

Вера включила чайник и повернулась обратно к Ханне, которая по-прежнему сидела, уставившись в пространство. Ничто в доме не указывало на ее профессию, зацепиться было не за что, но Вера подумала, что это что-то из области искусства. Все в доме – мебель, фаянсовая посуда, картины – стоило недорого, но подобрано со вкусом.

Ханна очень медленно перевела на нее взгляд. Как будто вопрос доходил до ее сознания часами и она только сейчас вспомнила, о чем ее спросили.

– Мама была соцработником. Усыновление и устройство детей на воспитание в семьи.

Вере пришлось перестроиться. Она была невысокого мнения о соцработниках. Назойливые сплетники, не дающие людям спокойно жить, да бесполезные слюнтяи. К ней приходила соцработница, когда умерла ее собственная мать, только она назвала себя иначе. Сотрудник по вопросам охраны детства, вот как. Гектор ее обаял, сказал, что, конечно, он сможет позаботиться о дочери, и больше они ее не видели. И хотя Гектор был далек от идеала отца, Вера не думала, что соцработник как-либо улучшил бы положение вещей.

Ей не пришлось отвечать: в дверь коротко постучали, и вошел Саймон. «Значит, у него есть свой ключ». Эта мысль пробежала в ее голове, пока она наблюдала, как молодой человек обнимает Ханну. Хотя это вряд ли имеет какое-либо значение, потому что Дженни убили не дома, но наличие у него ключа создало впечатление, что он – член этой семьи, и мысль о том, что они обручены, показалась менее нелепой.

Саймон был высокий, темноволосый и возвышался над Ханной. Не красивый в привычном смысле слова, подумала Вера. Немного полноват, очки как у ботаника, несуразно большие ступни. Но между ними ощущалось притяжение, даже в этот момент горя, и у Веры перехватило дыхание. Она испытала прилив черной, разрушительной зависти. «В моей жизни никогда такого не было и, наверное, уже не будет». Он сел на один из кухонных стульев, посадил Ханну себе на колени и стал поглаживать ее, убирая волосы с лица, как у маленького ребенка. Этот жест был настолько интимный, что на мгновение Вере пришлось отвести взгляд.

Студент отвлекся от своей девушки и коротко кивнул Вере.

– Я – Саймон Элиот, жених Ханны.

– Как Дженни относилась к вашей помолвке?

Ей нужно было их разговорить, и не обратить внимания на их отношения она не могла. Конечно, Дженни тоже не могла их не замечать.

– Она считала, что мы слишком молоды. – Ханна соскользнула с колен Саймона и села на стул рядом с ним. Ее рука осталась лежать на его бедре. – Мы хотели пожениться этим летом, но она попросила нас подождать.

– И вы согласились?

– В конце концов, да. По крайней мере, пока Саймон не окончит магистратуру. Еще один год. Кажется целой вечностью, но, учитывая все происходящее...

– Зачем вообще жениться? – спросила Вера. – Почему просто не жить вместе, как все?

– Вот поэтому! – Кажется, Ханна на мгновение забыла о смерти матери. Ее глаза горели. – Мы не такие, как все. У нас особенные отношения, и мы хотели сделать особенный жест, чтобы это подчеркнуть. Мы хотели, чтобы все знали, что мы хотим провести вместе всю жизнь.

Вера подумала, что родители Ханны давали друг другу те же обещания, когда женились, но их отношения не пережили даже рождение дочери. Наверное, начинали они с теми же мыслями. Но Ханна молода и романтична, жестоко было бы разрушать ее иллюзии. А теперь этот студент – все, что у нее осталось.

– Но Дженни ничего не имела против Саймона?

– Конечно нет! Мы все очень хорошо ладили друг с другом. Просто мама слишком опекала меня. После того как папа ушел, мы остались с ней вдвоем. Наверное, ей было трудно принять, что в моей жизни появился кто-то еще.

Вера повернулась к молодому человеку:

– А ваши родители? Как они отнеслись к перспективе столь ранней женитьбы?

Он слегка пожал плечами:

– Они были не в восторге. Но они бы с этим примирились.

– Мать Саймона – сноб, – сказала Ханна. – Дочь соцработницы – не совсем то, что она для него желала.

Она улыбнулась, чтобы показать, что не в обиде.

Наступило молчание. Вере казалось, что они все словно сговорились избегать разговоров об убийстве Дженни Листер. Им хотелось ненадолго притвориться, что ничего ужасного не случилось, что самое страшное в их жизни – небольшое недовольство родителей их ранней помолвкой.

– Когда ты в последний раз видела маму? – спросила Вера, не меняя своего тона любопытной соседки.

– Сегодня утром, – ответила Ханна. – За завтраком. Я встала рано, чтобы выйти вместе с ней. У меня пасхальные каникулы, но я хотела серьезно подготовиться к выпускным экзаменам. Доказать родителям Саймона, что у меня есть мозги, даже если я планирую пойти в художественное училище, а не в модный универ.

– Она говорила о своих планах на день?

– Да, она собиралась поплавать перед работой. Ей не нужно приходиться к девяти, потому что она часто засиживается допоздна.

– Ты не знаешь, у нее были какие-то конкретные планы? – Вера подумала, что скорее выяснит время смерти, если узнает, когда Дженни пришла в фитнес-клуб, чем если будет полагаться на оценку патологоанатома.

– Кажется, в половине одиннадцатого состоялась какая-то встреча. Она курировала одного студента, и у нее был с ним запланированный сеанс.

– Где именно работала Дженни?

– В управлении социальной защиты населения в Блайте.

Вера посмотрела на нее, немного удивившись.

– Так далеко ездить каждый день!

– Она не возражала. Говорила, хорошо, когда есть дистанция между ней и работой. И, в любом случае, у нее были дела по всему графству, так что иногда ездила далеко.

На мгновение воцарилось молчание, затем Ханна посмотрела прямо на Веру.

– Как она умерла?

– Я не могу сказать точно, милая. Нужно подождать результатов вскрытия.

– Но вы наверняка знаете.

– Думаю, ее задушили.

– Никто не стал бы убивать мою маму. – Девочка говорила с уверенностью – с той же уверенностью, с которой она заявляла о своей любви к мужчине, сидевшему рядом с ней. – Наверняка это ошибка. Или какой-нибудь психопат. Моя мать была хорошим человеком.

Покидая дом, Вера думала о том, что не совсем понимает, что имеется в виду под «хорошим человеком».

Глава шестая

Иногда Джо Эшворт думал, что он – святой, раз терпит Веру Стенхоуп. Его жена точно считала его чокнутым – мириться с вечерними переработками, ранними подъемами, срочными вызовами в дом к Вере на холмах. «Если у нее нет никаких семейных обязанностей и вообще никакой жизни, кроме работы, это не значит, что ты можешь все бросать и бежать к ней». Эшворт попытался обернуть это в шутку: «По крайней мере, ты можешь быть уверена, что у нас с ней нет интрижки». Вера была на двадцать лет его старше, тучная, с кожей, изуродованной экземой. В ответ жена нахмурилась и посмотрела на него поверх кружки с горячим шоколадом, который готовила каждый вечер, чтобы лучше спалось. Ей набор веса не грозил. Она только недавно перестала кормить малыша, и дети не давали ей засидеться. «Может, ты и не увлечен инспектором, но у нее могут быть на тебя виды!» На это он рассмеялся, хотя от этой мысли ему стало не по себе. Иногда начальница смотрела на него в упор из-под полуприкрытых век, и он спрашивал себя, о чем она думает в этот момент. Она когда-нибудь вообще занималась сексом? Об этом он не смог бы ее спросить, хотя ее вопросы к нему иногда были личными, почти грубыми.

Итак, она оставила его за главного в фитнес-клубе и отеле, а сама свалила в долину Тайна, чтобы разузнать о личной жизни жертвы. Совершенно не ее задача. Она могла бы предоставить это младшему члену команды. Периодически жена предлагала ему податься на другую должность – если не ради повышения, то хотя бы ради развития и опыта в другом месте. В такие моменты Эшворт думал, что это разумное предложение.

В холле отеля, который наконец опустел, он увидел Лизу – молодую девушку, которую Вера позвала на помощь. Все посетители фитнес-клуба дали показания и разошлись, на двери отеля висело большое объявление, гласившее, что клуб закрыт на сутки «по непредвиденным обстоятельствам». Он считал, что Вера повела себя эгоистично по отношению к Лизе, заставив ее смотреть на тело в парилке, только чтобы выиграть пару минут для опознания. Непрофессионально и жестоко.

Холлом заведовала молодая женщина с польским акцентом. На ней было черное платье и туфли без каблука.

– Принести вам что-нибудь?

Он спросил Лизу, не хочет ли она кофе, и, когда ее латте с небольшими круглыми печенюшками на тарелке был готов, Лиза села и наклонилась вперед, обхватив стакан руками. На верхней губе застыла молочная пенка. Наверное, она заметила, что он на нее смотрит, покраснела и стерла пенку носовым платком.

Холл выглядел как гостиная в одном из исторических особняков, сдаваемых в аренду, в которые его возила жена, пока у них не появились дети. Полированный паркет из темного дерева на полу с квадратным ковром по центру. Ковер был красный, плетеный, почти такой же жесткий, как сам пол, настолько изношенный, что в некоторых местах рисунка не было видно совсем. На стенах висели картины в больших золоченых рамах. В основном портреты: мужчины в париках, женщины в длинных платьях. Большие кожаные диваны у стен и стулья с ситцевой обивкой вокруг столиков с хрупкими ножками. С одной стороны находился огромный камин. Сегодня его не топили, и большие радиаторы тоже стояли холодные, так что в помещении было прохладно. В воздухе пахло пылью.

Остатки кофе и сэндвичей для пенсионеров лежали на белых фарфоровых тарелках, расставленных по столам рядом с кофейниками и мисками с кусковым сахаром. На полу валялись крошки. Из другого конца холла женщина средних лет начала убирать грязную посуду.

– Спасибо, что остались, – сказал он.

К этому времени смена Лизы уже должна была закончиться. Они сидели в углу, и его слова, казалось, разносились эхом вокруг.

Она подняла на него глаза.

– Все в порядке.

– Погибшую женщину звали Дженни Листер, – сказал он. – Вам это о чем-то говорит?

Она покачала головой.

– Она никогда не приходила ни на одно из моих занятий. Но я чаще всего провожу растяжку для женщин за пятьдесят, а она выглядит помоложе.

– Да, – ответил он. – Простите, что начальница заставила вас на нее смотреть.

– И она не выглядит такой уж старой, – продолжала Лиза. – Возможно, она ходила на занятия Натали для матерей и новорожденных. Мы нередко встречаем мам за сорок в последнее время. Спросите у нее.

– Вы работали в бассейне все утро?

– Нет, – ответила она. – Спасатели у бассейна есть только после половины десятого, когда начинаются тренировки по абонементу. До этого приходят спортсмены, они подписывают форму о самостоятельной ответственности за безопасность. Обычно кто-то из персонала все равно есть, но сейчас нам не хватает сотрудников. Я заглядывала туда пару раз, но не видела и не слышала ничего необычного.

Наступило молчание, и она холодно посмотрела на него. Эшворт почувствовал, что буксует. Что бы сейчас сделала Вера Стенхоуп? Ей показалось, что девушка чем-то взволнована, и обычно она была права в отношении людей.

– Вам нравится здесь работать?

Он заметил, что вопрос удивил Лизу. Какое это имеет отношение к убийству женщины средних лет?

Она посмотрела на него с подозрением.

– Нормально. Обыкновенная работа.

– Только между нами, – сказал Эшворт. – Я не собираюсь передавать ваши слова начальнику.

– Он нормальный.

«Может, она и не взволнована, – подумал Эшворт. – Может, она просто угрюмый неразговорчивый подросток». У него были младшие сестры, и он помнил, как они доводили родителей своим молчанием и переменчивым настроением.

– Так есть ли что-нибудь, о чем мне, по-вашему, стоит знать? Что-то странное или неприятное, что-то, что может быть важным для нашего расследования? – Он говорил энергично, но подавил в себе желание повысить голос.

Лиза поставила стакан с латте. Казалось, ей некомфортно. Она крутила пальцами прядь волос.

– Вещи начали пропадать. В последние пару недель.

– Какие вещи?

– Кошельки, кредитные карты, часы.

– Из раздевалок?

«Почему Тейлор об этом не сказал? Это могло бы быть мотивом, например, если Дженни Листер застала грабителя врасплох».

– Раз или два, – ответила Лиза. – Но чаще из комнаты для персонала. Вот почему Райану удалось это замолчать. Он не хотел поднимать шумиху, понимаете. Не хотел, чтобы люди стали отменять абонементы из-за того, что кто-то ворует. По крайней мере, не во время отсутствия Луизы, управляющей.

«Вот почему он не сказал мне об этом».

Лиза снова посмотрела на него.

– Они думают, это я, – сказала она. – Не Райан, он нормальный. Справедливый. Он знает, что я бы ничего такого не сделала. А остальные – да. Потому что мой отец сидел и я живу в неблагополучном районе на западе. Стоит дать свой адрес, и на тебя набрасываются. Но это не я. Мне нравится эта работа. Я не собираюсь ее запортить.

Эшворт кивнул. Муниципальные районы на западе Ньюкасла были печально известны еще во времена его детства и до сих пор пользовались дурной репутацией из-за преступности и банд, несмотря на то что вокруг стали строить частное жилье. Он подумал, что Вера снова оказалась права.

– Есть идеи, кто может воровать?

Она помолчала. Ее воспитание не позволяло ей стучать.

– Я не собираюсь вламываться с наручниками, – сказал он. – Но вы ведь здесь работаете. Я просто спрашиваю ваше мнение.

Он понял, что на нее это подействовало. Она слегка улыбнулась. Возможно, ее мнение спрашивают нечасто. Она задумалась.

– Все это начало происходить примерно в то же время, как здесь начал работать Дэнни.

– Дэнни?

– Дэнни Шоу. Временный уборщик. Я слышала, что Райан рассказал этой толстой женщине-детективу про него. Он студент. Его мама работает на ресепшене.

– Что он собой представляет?

Она замолчала, подбирая слова, и сложила руки на груди.

– Хитроватый. Говорит тебе то, что ты хочешь услышать. Уборщик из него так себе. Но, наверное, мужчины все убираются не очень, правда?

Эшворт думал, что эту мудрость она почерпнула от матери и что она в принципе звучит как женщина постарше. Она взглянула на него.

– Но он в форме, да. Все девчонки здесь от него тащатся.

– И он встречался с кем-нибудь из них?

Она покачала головой.

– Он просто играет с ними, флиртует, льстит, но по нему видно, что для него это лишь игра. Он считает себя лучше нас.

– А что насчет вас? – игриво спросил Эшворт, как будто он был ее пятидесятипятiletним дядюшкой. – Есть у вас хороший парень?

Он надеялся, что есть. Надеялся, что она счастлива.

Она снова заговорила серьезно:

– Пока нет. Я видела, что стало с моей мамой. Вышла замуж в семнадцать, к двадцати одному году – трое детей. Я не хочу торопиться. Мне нужно думать о карьере.

Она выпрямилась на стуле, сложив руки на коленях. Он улыбнулся и сказал, что она может идти.

Карен Шоу, администратор на ресепшене, как раз собиралась уходить. Она сидела за стойкой, глядя на часы на стене напротив, и как только минутная стрелка переместилась на «ровно», она вскочила со стула, убрала журнал и накинула на плечи кардиган. Интересно, почему Тейлор продержал ее здесь весь вечер. Может, он просто про нее забыл. Или, может, Вера сказала ей оставаться до конца смены.

– У вас найдется минутка?

Она с яростью посмотрела на него.

– После такого дня все, чего я хочу, – это вернуться домой к горячей ванне и большому бокалу вина.

– Вы же почти не вставали! После обеда клиентов не было.

– Да, – ответила она. – Скука смертная.

Она повесила сумку на плечо.

– Слушайте, это не самая интересная работа даже в лучшие времена. Но сегодня мне хотелось просто взвыть.

Он чувствовал, что она была словно наэлектризована.

Эшворт улыбнулся ей своей самой обаятельной улыбкой, которая, как говорила его мама, умастит кого угодно.

– Вот что. Уделите мне полчаса вашего времени, и я угощу вас этим бокалом вина.

Она поколебалась, потом улыбнулась.

– Тогда лучше небольшим. Я за рулем.

Она провела его наверх, в бар отеля. Кругом было пусто – жутковатое ощущение. Эшворт вспомнил ужастик, который Сара заставила его как-то раз посмотреть по телевизору. Ей нравилось все зловещее. Он представил себе, как из пустого коридора выходит человек с топором. Вот только Дженни Листер убили не топором.

Бар был меньше холла и в другом стиле. Полицейский представил себе мужчин в белых пиджаках и девушек в платьях чарльстон, с повязками на голове и длинными мундштуками. На полках стояли бокалы для коктейлей, а на резной деревянной барной стойке – серебристый шейкер. За стойкой на высоком табурете сидел прыщавый подросток, читавший спортивный раздел «Хроники», и портил атмосферу. Казалось, что весь персонал заставили продолжать работать, как будто убийства у бассейна и не было. Мальчику явно не понравилось, что они его отвлекли.

– Извините, отель закрыт.

Карен улыбнулась.

– Я здесь работаю, а он – коп.

Они сели за столик у окна с видом на сад у реки, она – с бокалом шардоне, он – с апельсиновым соком. Эшворт заметил, что лужайки подстрижены, но кусты, высаженные по периметру, были неухоженными и заросшими. Он вдруг подумал, что они, возможно, выглядят как любовники: женатый мужчина помоложе и энергичная разведенная женщина, оба в поисках веселья, страсти или компании. Наверняка такие люди встречаются в отелях вроде этого. Впервые в жизни он смог почти что понять привлекательность такой интрижки, ее волнение.

– Я не смогу задержаться надолго. Муж будет ждать свой чай, – сказала она, прервав его мысли. И почему он решил, что она в разводе?

– Как давно вы работаете в «Уиллоуз»?

Она состроила гримасу.

– Два года.

– Вам здесь не нравится?

– Я же сказала, тут довольно скучно. Но ни на что другое у меня нет квалификации. Я думала, что проведу жизнь в роли соержанки. Может, нашла бы что-то, что требует работепства перед начальством.

Она замолчала, но он не стал вмешиваться. Было видно, что ей нравится публика и что она вот-вот продолжит говорить.

И она продолжила:

– Мой муж работает с недвижимостью. Он купил несколько дешевых квартир в Тайн-сайде, перед экономическим подъемом, довел их до терпимого состояния и стал сдавать студентам. Но большая часть работы была проделана в кредит. Он всегда думал, что сможет продать их, если станет туго.

Она снова замолчала, и на этот раз Эшворт вставил пару слов, просто чтобы показать, что он слушает:

– Но когда стало туго, никто не захотел покупать...

– Да. Вдруг у всех испарилась наличка. Система пережила шок. Не стало отпусков за границей, новых модных машин. Нам даже пришлось уволить уборщицу.

Она ухмыльнулась, показывая, что смеется над собой, над всем этим безумным стилем жизни. Было видно, что она не привыкла жить при деньгах.

Она продолжала, уже более серьезно:

– То есть мы выжили, но было непросто. Потом Дэнни уехал учиться в университет, и нам пришлось платить за обучение. Он наш единственный сын, мы не хотели, чтобы он в чем-то нуждался. Джерри и так пахал как лошадь, так что единственное, что можно было сделать, это поднять мне задницу и устроиться на работу. Я ходила заниматься в фитнес-клуб «Уиллоуз», так что, когда увидела, что они ищут человека на ресепшен, подумала: «Для меня сойдет». И работа ничего. Но я не предполагала, что будет настолько скучно.

Она уставилась в окно. Эшворт последовал ее примеру и увидел, что наконец приехал Китинг, патологоанатом. Его задержали на другом деле, и тело Дженни Листер все еще ожидало его в парилке.

– Вы были знакомы с погибшей?

– Я видела ее. Но имени не знаю.

– Что вы о ней помните?

– Она все время спешила и никогда долго не задерживалась. Вежливая. Всегда мне улыбалась и махала рукой, даже когда просто проходила мимо через турникет. Обращалась со мной как с человеком, а не с автоматом.

Эшворт подошел к сложной части. Женщина ведь будет защищать своего сына, что бы он ни натворил.

– Вы нашли здесь работу для Дэнни на каникулах?

– Да. – Она сразу перешла в оборону, глядя на него так, будто говорила: «И что? Это что, кому-то навредило?»

– И как ему?

– Он молодой парень. Ему бы больше понравилось валяться в постели или гулять с приятелями. Но это была его идея. Он хочет поехать летом путешествовать и знает, что мы не сможем это оплатить. Так что он сам попросил.

– Нам нужно будет с ним поговорить, – сказал Эшворт. – Он убирался в зоне бассейна. Возможно, что-то видел.

– Для этого моего разрешения не требуется. Ему почти двадцать. Взрослый. Он, скорее всего, уже заступил на смену, если только его впустили в отель.

Полицейский знал, что Дэнни впустили и что он сидит в кабинете Тейлора. Он был следующим в списке для допроса.

– Что вам известно о кражах?

Она осушила бокал, поставила его на стол и продолжила говорить спокойно:

– Ну, такое ведь везде случается, нет? Ничего серьезного. Тут много кто работает. Не понимаю, какое это может иметь отношение к убийству.

– Но наверняка это испортило атмосферу. Поползли слухи. Неприятно думать, что кто-то из твоих товарищей ворует у тебя.

Она пожала плечами.

– Я стараюсь не особенно вслушиваться в сплетни. – Она снова стрепла свою большую бесформенную сумку. – Если это все, то ванна и прохладное вино ждут меня дома. Одного бокала мне всегда недостаточно.

Он остался на своем месте и смотрел в окно, пока она не вышла из отеля. Женщина с ресепшена достала из сумки мобильный, нажала на кнопку и приложила к уху. У машины она повернулась, и он увидел, что она хмурится и разъярена. Эшворт был готов поспорить на свою полицейскую пенсию, что она говорит с сыном.

Глава седьмая

В это время в доме Листер Вера пыталась убедить Ханну переехать к родителям Саймона, хотя бы на несколько дней, но девушка отказывалась.

– Я хочу не спать всю ночь и плакать. Наверное, напьюсь. Все это я могу делать только в собственном доме.

– Тогда мы можем подрядить офицера пожить с тобой.

– Нет, – ответила Ханна. – Категорически нет. Я бы этого не вынесла.

Она снова подошла к окну и уставилась на сад внизу, который теперь был покрыт тенью.

– Вы останетесь с ней? – Вопрос Веры был адресован Саймону. Девушка не обращала на них внимания.

– Конечно, – сказал Саймон. – Я сделаю все, что она захочет.

Он подошел к Ханне и обнял ее со спины. Кажется, они не заметили, как Вера ушла.

Выезжая из деревни, Вера увидела тот белый дом, о котором говорила Ханна, и, подавшись импульсу, свернула на подъездную дорогу. Она по-прежнему видела в Саймоне и Ханне лишь детей, и ей бы хотелось, чтобы кто-то из взрослых позаботился о девушке или хотя бы был в курсе происходящего. Кроме того, возможно, мать Саймона и Дженни Листер дружили. Возможно, женщина владела какой-то полезной информацией.

Как только Вера проехала мимо тисовой ограды, она сразу заметила, что сад безупречен. Нарциссы уже отцветали, но все равно все пестрило яркостью: темно-синие гиацинты, незабудки и пурпурные морозники. Лужайку уже даже подстригли – в первый раз за сезон. «Либо эта женщина – фанатик, либо платит садовнику». Вера терпеть не могла опрятные сады и больше интересовалась съедобными посадками, чем цветами. У нее в саду неровными клочками росли одуванчики, и она набирала их листья на салат в те редкие минуты, когда хотела поесть здоровой пищи. Ее соседи, стареющие хиппи, не любили приводить в порядок свой сад. Интересно, что бы они сказали об этом месте.

Наверху скрипнуло окно. Шум машины привлек чье-то внимание. Вера задалась вопросом – разлетелись ли уже по деревне новости о смерти Дженни. Рассказал ли Саймон своей матери, что жертва – мать его девушки? Может, и нет. Он так быстро приехал к Ханне, что у него точно не было времени на разговор. Из дома никто не выходил. Мать Саймона, если это она была наверху, наверное, не захотела бы, чтобы о ней думали как о женщине, которая подглядывает из-за занавески. Или, может, она просто надеялась, что посетитель уедет?

Вера позвонила в колокольчик, на лестнице послышались шаги, и дверь открылась.

– Да?

На пороге появилась высокая женщина за пятьдесят, возможно, возраста Веры, но такая же опрятная и ухоженная, как ее безупречный сад. Темные волосы локонами убраны назад, серые брюки, белая хлопковая рубашка и длинный серый кардиган. На губах помада. Она что, собиралась куда-то или носила макияж всегда? Вера стояла на крыльце и думала о том, какими странными бывают женщины.

– Я могу вам помочь?

Женщина начинала терять терпение. Инспектор видела, что она растеряна. Машина, на которой приехала Вера, была большой, новой и довольно дорогой. Один из бонусов ее ранга. Миссис Элиот наверняка подумала, что за рулем такой машины будет успешный мужчина. А Вера была крупной и неопрятной, без чулок и с пятнистой кожей. Она никогда не красилась и выглядела бедной.

– Я из полиции Нортумберленда. Инспектор Стенхоуп.

Где-то на дне сумки валялось ее удостоверение, но лучше туда не лезть, чтобы не наткнуться на кусок сэндвича с беконом, который остался со вчерашнего завтрака.

– Неужели? – Женщина показалась озабоченной, но не испуганной, как часто бывает, когда полицейские неожиданно стучат в дверь. «Что я натворила? Произошел несчастный случай? Что-то случилось с мужем, с дочерью, с сыном?» Мать Саймона переварила информацию и выглядела почти возбужденной. Может, она все же слышала об убийстве соседки. Впрочем, ни горя, ни имитации горя не было.

Она протянула руку.

– Вероника Элиот. Вы тут насчет Конни Мастерс? Она сменила фамилию, но я ее сразу узнала. Так и думала, что однажды ей предъявят обвинения.

Имя показалось Вере смутно знакомым, но она не хотела отвлекаться.

– Я здесь насчет Дженни Листер.

Женщина нахмурилась. Сбита с толку? Разочарована?

– А что насчет Дженни?

– Значит, сын вам не сказал?

Женщина покачала головой.

– Слушайте, дорогая, почему бы вам не впустить меня в дом?

Вероника Элиот отошла в сторону и пригласила Веру в большой холл. На стене, напротив двери, была картина, привлекавшая внимание инспектора. Акварель небольших каменных ворот, через которые проходила извилистая дорога, поросшая травой. Вера подумала, что эта дорога выглядит гостеприимной. Так и хотелось пройти по ней. Но на картине она как будто бы никуда не вела. На воротах были вырезаны головы птиц. Возможно, бакланы. Длинные шеи, длинные клювы.

– Где это? – спросила Вера.

– Это въезд в Гриноу, дом моего деда, – ответила женщина.

– Величественно.

– Уже нет. В тридцатые там был пожар. Сейчас остался лишь сарай для лодок и эти ворота.

Вероника медленно повернулась к картине спиной. Она провела Веру по прохладному коридору в кухню. «Помещение для слуг, – подумала Вера. – Значит, вот как она обо мне думает». Не спрашивая разрешения, инспектор заняла место во главе стола.

– Дженни Листер мертва. Убита. Вот почему ваш сын убежал – чтобы позаботиться о Ханне.

Лицо Вероники оставалось бесстрастным. Она лишь снова чуть нахмурилась – скорее от неприязни, чем от шока. Она медленно села. Стулья были из светлой древесины в тон стола, с серой обивкой. Довольно дорогие и элегантные. Такая кухня напоминала комнату для совещаний в офисе бизнесмена. Вся техника стояла в одной стороне, все из нержавеющей стали, очень габаритные.

– Понятно, – ответила она наконец. – Полагаю, кто-то из ее клиентов. Никогда не понимала, почему кто-то выбирает социальную работницу. Подумать только, с какими людьми придется иметь дело. Присмотритесь к Конни Мастерс.

Опять это имя. Вера записала его себе, чтобы проверить, когда наконец доберется до участка. Она никогда не была поклонницей соцработников, но теперь, глядя на отношение этой женщины, захотела защитить Дженни Листер.

Пока она думала, как ответить, Вероника продолжила:

– Конечно, печально, но теперь хотя бы с этой нелепой идеей свадьбы будет покончено!

– Вам не нравится Ханна Листер?

Вера удивилась. Девушка сразу же ей понравилась, и она подумала: «Если бы у меня был сын и он сошелся бы с такой девушкой, от счастья я бы светилась».

– О, она довольно милая, но они оба так молоды. И я всегда считала, что Саймон может найти кого-то получше. Он учится в Дареме. В его колледже такие очаровательные молодые женщины.

Она выглядела опечаленной.

«Боже мой! – подумала Вера. – Ханна права. Настоящий старомодный сноб. Я думала, этот вид вымер много лет назад».

– А миссис Листер одобряла помолвку? Мне так не показалось, судя по тому, что говорила Ханна.

– По Дженни никогда не было понятно. Типичная соцработница. Всегда на нейтральной позиции. Она говорила, что считает, что они слишком юны, но не думаю, что делала достаточно для того, чтобы их разлучить. Во время каникул Саймон там практически живет. Ханна еще школьница. Кажется, Дженни осознавала, что их отношения нелепы, но все равно поощряла визиты Саймона в их дом.

– Как к их отношениям относится ваш муж?

Вера подумала, что муж здесь есть наверняка. Кто-то, кто зарабатывает деньги, покупает Веронике дорогую косметику и красивую новую мебель.

– О, Кристофер много ездит по работе. Он редко бывает дома. Он видел Ханну всего пару раз.

– Ханна и Саймон познакомились в школе?

– Нет. Ханна ходила в общеобразовательную школу в Хексеме, – чуть ли не хмыкнула Вероника. – Мы отправили Саймона в частную школу «Ройял Грэммер» в городе.

– Наверняка стоило немало.

Вера отпустила это замечание полупшепотом, и Вероника сделала вид, что не слышала его. Она продолжила:

– Они познакомились на занятиях музыкой. В «Сейдже» есть программа для молодых музыкантов. Саймон начал подвозить Ханну после репетиций. Потом был музыкальный тур по северу Италии, и они вернулись из него, по уши влюбленные. С тех пор они не расстаются.

Вера подумала о некоторых молодых людях, с которыми ей приходилось сталкиваться по работе: наркоманы, алкоголики, воры, дебоширы, их матери в квартирах для малоимущих, сходявшие с ума от беспокойства. Она подумала, что Веронике Элиот не на что жаловаться.

– Есть предположения, зачем кому-то понадобилось убивать Дженни Листер? – вдруг спросила она. До сих пор она не имела представления о мотиве. Прежде чем Вероника смогла выдать очередную тираду о клиентах соцработников, Вера добавила: – Она, судя по всему, работала с детьми, так что на данный момент мы полагаем, что убийство не связано с профессиональной деятельностью. Как она ладит с людьми в деревне? Как к ней относились?

Вероника как будто задумалась.

– Мы вращались в разных кругах. Ее нечасто можно было встретить. Весь день на работе, долгий путь до дома. Я считаю, важно участвовать в общественной жизни, когда живешь в такой небольшой общине. Ну, знаете, все эти вещи: приходской совет, комитет дошкольной воспитательной группы, совет первых школьных попечителей. Я участвую во всем.

«Наверное, здорово, когда на все это есть время». Но Вера знала, что скорее воткнет себе кнопки в глаза, чем станет профессиональным членом одного из таких деревенских комитетов.

– Вы посещаете фитнес-клуб «Уиллоуз»?

Если вопрос и удивил Веронику, она этого не показала.

– Нет, – сказала она. – Не мое место. Раньше это был чудесный отель, но после того, как его выкупила сеть, уровень упал. Я была там в качестве гостя, когда только открыли клуб, но сочла его довольно низкопробным. – Она поджала губы от отвращения. – Серьезно, они хотят, чтобы посетители сами приносили полотенца.

Несмотря на то что она ей сразу не понравилась, Вера подумала, что считать Веронику подозреваемой было бы слишком оптимистично. Инспектор с удовольствием отвела бы ее в участок, заставила бы ждать вместе с преступниками на входе, допросила бы ее в вонючей комнате, но, конечно, Вероника никого не душила. Она могла бы довести человека высокомерными взглядами и презрительными словами.

– Вы можете мне подсказать кого-то, кто хорошо ее знал?

Вера надеялась, что у Дженни был хотя бы кто-то, кроме ближайших родственников, кто сожалел о ее смерти, кто выпьет в ее память и расскажет истории о старых добрых временах, которые они пережили вместе.

– Правда, инспектор, я вряд ли смогу вам помочь. Мы с Дженни были знакомы только потому, что наши дети дружат. Больше у нас не было ничего общего. – Она встала и прошла из кухни в коридор. Вера последовала за ней. – Конечно, вы можете попробовать пообщаться с Конни Мастерс. Полагаю, они были знакомы в связи с работой Дженни.

Она победоносно улыбнулась, помедлила у двери в надежде на ответ и, не услышав его, закрыла дверь и тщательно ее заперла.

Инспектор Стенхоуп была так заинтригована, что ей не терпелось постучать в дверь и потребовать информацию про Конни Мастерс, но было очевидно, что именно на это Вероника и надеялась, а Вера не хотела доставить ей такое удовольствие. Так что она села в машину и медленно отъехала, надеясь, что гравий под колесами не попортит краску на ее новой машине.

На перекрестке, на выезде из деревни, она остановилась, чтобы сориентироваться. В коттедже, спрятавшемся в низине рядом с рекой по другую сторону дороги, горел свет. Она поняла, что уже было поздно. Посмотрев на часы на панели управления, Вера подумала, что Эшворт, наверное, закончил в «Уиллоуз» и направлялся домой в свое уютное маленькое гнездышко в уютном маленьком районе в пригороде Киммерстона. Она встретится с ним утром. В домике показались силуэты матери и ребенка, подсвеченные лампой, и Веру охватило внезапное ощущение утраты детства, которого у нее никогда не было. Женщина в доме стояла, обвив руки вокруг девочки, словно защищая ее от мира за окном. Гектор не был жестким человеком, но он не заботился о ней, и Вера могла полагаться только на себя.

Глава восьмая

Эшворт не направлялся домой, как предположила Вера. Он стоял рядом с патологоанатомом Китингом в парилке и смотрел на тело Дженни Листер. Доктор был уроженцем Ольстера, любил играть в регби и говорить без обиняков. Но сегодня его речи звучали довольно вычурно. Похоже, он бывал в этом отеле раньше.

– Мы рассматривали «Уиллоуз» как возможное место празднования свадьбы моей дочери. Территория великолепная, но внутри... – Он остановился при первом взгляде на жертву. – Довольно печально, вы не находите? В наши дни невозможно достойно содержать заведение таких масштабов.

– Начальница сказала, ее задушили, – пояснил Эшворт. Дэнни Шоу ждал в кабинете управляющего, и ему не хотелось, чтобы парень плюнул на все и ушел. У него не было времени на светские беседы.

– Я бы сказал, ваша начальница права. Впрочем, задушили не руками. Посмотрите на отметку. Тонкая веревка или провод. Скорее, веревка, потому что порезов на коже нет.

– Ее убили здесь или перенесли сюда после смерти? – Эшворт знал, ответы на какие вопросы были нужны Вере.

– Я бы сказал, здесь, но сделать заключение смогу после вскрытия.

– Спасибо. Можно я вас тут оставлю? Я все еще опрашиваю потенциальных свидетелей. Видимо, Китинг уловил нотку недовольства в голосе Эшворта.

– А где прекрасная и любезная Вера?

– Уехала сообщить ближайшим родственникам.

– Будьте с ней терпеливы, Джо. Она лучший детектив из всех, с кем я когда-либо работал. Эшворту стало стыдно. Он не хотел, чтобы Китинг считал его вероломным.

– Я знаю.

Дэнни Шоу сидел в кабинете управляющего. Эшворт увидел его через окно в двери. Дэнни сидел, откинувшись на спинку стула, и кивал в такт музыке на своем айпode. Но что-то в движениях парня показалось Эшворту наигранным. Он вел себя слишком настороженно и не так спокойно и хладнокровно, как ему хотелось. На нем были черные ботинки в стиле «милитари» и свободная черная футболка. Эшворт подумал, что он выглядит как типичный студент. Как только дверь открылась, он вытащил наушники и выпрямился, чуть привстав со стула в знак уважения. Довольно вежливый, пришлось признать. Эшворт не очень любил студентов в целом. Может, завидовал. Он был бы не против провести три года, сидя на заднице и читая книги. Потом он вспомнил, что Лиза сказала про Дэнни: «Он говорит тебе то, что ты хочешь услышать».

– Прости, что заставил тебя ждать, – сказал Эшворт. – Но мама, наверное, тебе передала, что я собираюсь с тобой поговорить.

Мальчик посмотрел с недоумением. Возможно, Карен не с ним так серьезно общалась по телефону, когда после допроса вышла из бара на парковку отеля.

– Ты знал Дженни Листер, женщину, которая умерла?

Лучше сразу перейти к делу, подумал Эшворт. Сара убьет его, если он придет совсем поздно. Она не могла заснуть до его возвращения, а малыш всегда просыпался по ночам. Ровно в час ночи, как по часам, и потом снова в пять, если только им не повезет.

– Мне не дают общаться с посетителями, – рассмеялся Дэнни. – Я всего лишь уборщик. Эшворт положил на стол увеличенное фото жертвы.

– Но ты мог ее видеть.

Мгновение поколебавшись, Дэнни посмотрел на фотографию.

– Простите. Я не могу помочь.

– Расскажи, как устроена твоя работа, – выпалил Эшворт. – Как обычно проходит смена?

– Я работаю по вечерам. Начинаю в четыре. Сначала иду в мужскую раздевалку. В это время много народу, люди приходят прямо из офисов, так что нужно содержать помещение в чистоте, промокать полы там, где люди выходят из бассейна, проверять туалеты и душевые. Потом в десять закрывается фитнес-клуб, и я убираюсь в зоне бассейна и зала.

Каким-то образом ему удалось продемонстрировать, что работа была ниже его достоинства.

– И прошлой ночью ты делал все то же самое?

– Да, все как обычно.

– И ты проверял парилку и сауну?

Эшворт должен был спросить, хотя Вера и позвонила ему после разговора с дочерью Дженни. Теперь они знали, что Дженни еще была жива утром, за завтраком, и ее тело не могло пролежать в парилке всю ночь.

– Конечно. – Он улыбнулся, оспаривая сомнения Эшворта в его прилежности. Эшворт решил не подыгрывать.

– Видел что-нибудь необычное?

– Например?

– Я не знаю. – Эшворт старался держать себя в руках. – Например, признаки взлома, или, может, кто-то еще был в помещении.

– Вы думаете, что убийца мог пробраться сюда накануне ночью?

– У нас нет никаких конкретных соображений на этот счет. Мы должны изучить все возможные варианты.

Снова на минуту воцарилась тишина. Теперь Дэнни, по крайней мере, отнесся к вопросу серьезно.

– Я точно никого не видел. В смысле иначе я бы вызвал охрану. В отеле по выходным проводят много свадеб, конференции. Поздно вечером, бывает, встречаешь подвыпивших гостей, которые считают забавным пойти купаться голыми, когда никого вокруг нет. Как-то раз я поймал пару ребят, прятавшихся в душе перед тем, как мы собирались закрыться. Но мы тщательно проверяем, чтобы нигде никого не было. Прошлой ночью ничего такого не происходило.

– Можешь показать мне раздевалки?

Эшворт не мог представить себе раздевалки и деловую сторону фитнес-клуба. Он знал, что Вера была внутри и нашла там клубную карту жертвы, но ему тоже не повредило бы осмотреться.

– Конечно.

Мальчик поднялся. Кажется, он был рад движению. Все это время он сидел на стуле, и Эшворт не заметил, насколько он высокий. Стоя он напоминал долговязого подвижного великана.

Эшворт пошел за ним в женскую раздевалку. Пахло хлоркой из бассейна и какими-то косметическими средствами. Вдоль одной стены расположились ниши со шкафчиками и деревянными скамейками. Кафельный пол был сухой и чистый. На мгновение Эшворту захотелось вырваться из этой стерильной искусственной атмосферы. Последний раз он дышал свежим воздухом перед тем, как Вера вызвала его с обеда.

– Это здесь происходили кражи?

– Какие кражи?

– Ты что, издеваешься надо мной? – Обычно он следил за собой на работе и вне ее, но что-то в этом парне его бесило. – Я слышал, что из раздевалок пропадали вещи.

– А, это. Не уверен, что что-то реально украли. Большинство посетителей – старики. Они забывают, куда что кладут, а потом говорят про кражи.

– А как насчет вещей, которые пропадали из комнаты для персонала? Это ты тоже списываешь на старческую деменцию?

– Об этом мне неизвестно. – Дэнни прекратил казаться приятным и выглядел как наглый подросток. – Я редко захожу в комнату для персонала. Дерьмовый кофе и дерьмовая компания. Эшворт покачал головой и отпустил его.

Он не смог найти криминалиста, который пошел бы с ним искать машину Дженни Листер. Им было чем заняться помимо того, чтобы слоняться с ним по темноте. Надо найти машину и потом позвать криминалистов, чтобы натянули ленту.

Небо по-прежнему было безоблачное, и луна подсвечивала ключья тумана над рекой. Перед самим зданием пустовало несколько парковочных мест, а за деревьями ближе к воротам находилась еще одна парковка. Он пошел вдоль рядов машин у отеля, щелкая брелоком от ключей, которые дала ему Вера. Ничего. В кармане куртки у него лежал небольшой фонарик, и он почувствовал глупую гордость от того, что оказался так хорошо подготовлен. На большой парковке было очень темно. Свет от отеля сюда не доходил, а деревья закрывали луну. Он снова пошел вдоль машин, стоявших неровными рядами, нажимая на брелок и думая о том, что Дженни, возможно, сюда подвезли и он напрасно тратит время, но тут раздался щелчок, моргнули фары, и он оказался перед ее авто.

«Фольксваген Поло», небольшая, но выпущенная всего год назад. Он осветил фонариком в окна. Сумки не было ни на передних, ни на задних сиденьях, ни на полу, насколько он мог судить. Он вытащил из кармана носовой платок, чтобы открыть багажник. Лучше рассердить криминалистов, чем столкнуться с гневом Веры. Сумки не было. Он не совсем понимал, что это должно означать.

Он пошел обратно к отелю, чтобы сообщить криминалистам, какая машина принадлежала Дженни Листер, когда у него зазвонил телефон: жена хотела узнать, намерен ли он работать всю ночь.

Только Эшворт заехал на подъездную дорожку своего дома, как телефон снова зазвонил. На этот раз – Вера Стенхоуп. Он снял трубку, не выходя из машины. Сара наверняка услышала, что он на месте. Она не любила, когда он приносил работу домой.

– Да?

Он надеялся, что голос звучит так же устало, как он себя чувствует. С нее станется отправить его еще куда-нибудь.

Она говорила громко. Так и не научилась нормально пользоваться сотовыми, кричала в них. Вера звучала так, будто только что проснулась после долгой ночи, хорошо выспавшись. Так на нее действовали убийства: придавали ей энергии, будоражили ее почти так же, как пенсионеров, которых он опрашивал весь вечер. Как-то раз, выпив слишком много стаканов виски, она сказала, что ради этого и была послана на Землю.

– Конни Мастерс, – сказала она. – Это имя тебе о чем-то говорит?

Имя было смутно знакомым, но не настолько, чтобы внятно ответить. Он знал, что, как только поговорит с женой и выслушает в подробностях, как прошел ее день, сядет за ноутбук и проведет большую часть ночи в поисках информации для другой женщины его жизни.

Глава девятая

Конни не смотрела новости по телевизору с того дня, как погиб Элиас. Она постоянно боялась мельком увидеть там себя: бледную и молчаливую на той первой пресс-конференции или сбегающую по ступеням здания суда, под дождем, когда дело было окончено. Она знала, что это далеко не конец. Сейчас она предпочитала смотреть что-нибудь легкое, отвлекающее от забот: документалки о знаменитостях, сюжеты о продаже домов или о переезде на юг. Каждый вечер, когда Элис уже лежала в кровати и спала, Конни наливала себе бокал вина, съедала готовый ужин и погружалась в глупости с экрана. Она пережила еще один день. Элис пережила еще один день. Одно это было достойно празднования. Скука – невысокая цена.

Было почти десять часов, когда позвонил ее бывший муж. Ей так редко звонили в последнее время, что звук телефона поверг ее в шок. Она почувствовала, что дрожит.

– Да?

Раньше ей поступали звонки с угрозами, но потом перестали. Возможно, газетная статья в память об Элиасе снова все всколыхнула.

– Это я.

Она не ответила, и он добавил:

– Фрэнк.

Рывкнул так, как будто она глухая или старуха.

– Да, – ответила она. – Я поняла. Что тебе нужно?

Наверное, звонит насчет каникул Элис. Он говорил о том, чтобы свозить ее в поход по Франции в июне. Конечно, она согласилась, она ведь не могла лишиться дочь такого удовольствия. Но все это время в голове маячило недовольство. Совершенно не взрослая зависть. «Почему я тоже не могу поехать?»

– Хотел узнать, в курсе ли ты. Насчет Дженни Листер.

– А что с ней?

Она никогда особенно не любила Дженни. С виду дружелюбная. Поддерживала. Но на самом деле совершенно безжалостная, стальная. Приверженная принципам.

– Она умерла. Убита.

Первой реакцией Конни – конечно, совершенно ужасной – была мысль о том, что самодовольная Дженни Листер получила по заслугам. Затем она подумала, что это может сильно усложнить жизнь. Что, если всю историю с Элиасом снова поднимут на поверхность? И только потом она ощутила мимолетное чувство вины, потому что в глубине души знала, что Дженни повела себя с ней так же, как и любой начальник на ее месте, и что, будь это дело в руках кого-то другого, все прошло бы точно так же.

Фрэнк все еще говорил:

– Извини, если побеспокоил. Я подумал, тебе стоит знать.

– Да, – ответила она. – Спасибо. Я об этом не слышала.

Она положила трубку. Фоном все еще трещал телевизор, и Конни его выключила. До нее донеслись звуки с улицы: ручей, бежавший по гальке на другом конце сада, шорох листьев яблони по окну на втором этаже. И голоса в ее голове.

Конни поехала. Она вдруг почувствовала влагу дома, представила себе, как та сочится сквозь каменный пол, сбегает по беленым стенам, зеленая и склизкая, как камни в ручье. Конни поднялась наверх, стащила покрывало с кровати и спустила его в гостиную, налила себе еще бокал вина – больше, чем позволяла себе обычно. Свернувшись на небольшом диване и подоткнув под себя покрывало, она предалась воспоминаниям о Дженни и Элиасе, горя по обоим так, как умела. Получалось не очень, но, по крайней мере, она впервые попыталась. Когда начало светать, она все еще сидела на диване, а бутылка вина опустела.

Дженни Листер наняла ее на работу. Конни попала в социальную сферу, когда ей было под тридцать, после того как некоторое время, по иронии, проработала в местной газете. Что ее привлекло? То же, что и всех, наверное. Романтическое представление о том, что она сможет что-то изменить в жизни людей. Во время тренинга она представляла себе такую картину семьи, сохранившейся благодаря ее поддержке: мальчик с растрепанными волосами и девочка с большими грустными глазами, забравшаяся к ней на колени, благодарившая ее за помощь маме и папе. Конечно, полный бред, но ей всегда нужно было немного похвалы, чтобы чувствовать себя хорошо. А Дженни на похвалу не скупилась – по крайней мере, вначале.

Раз в месяц у них проходила консультация в кабинете Дженни. Настоящий кофе, вкусное печенье – обычно домашнее. Дженни была одной из тех суперженщин, которые пекли по выходным, ходили в театр и читали правильные книги. Такой женщиной, которой, возможно, была новая любовница Фрэнка. И Конни обсуждала с ней все ее дела. Они трудились в команде по защите прав детей – самая волнующая и драматичная область социальной работы. Никаких старушек с недержанием, никаких вонючих мужчин с шизофренией. Дженни руководила усыновлением и устройством детей на воспитание, занималась анализом и обучением потенциальных приемных родителей, но основная работа Конни заключалась в курировании детей из группы риска. Конечно, некоторых из них в итоге усыновляли или отдавали на воспитание, но, пока Дженни болтала с милыми приемными родителями из среднего класса, навещая их в зеленых пригородах, Конни пропадала в самых отвратительных районах на северо-востоке. Сплошное собачье дерьмо и граффити и никаких мальчиков с растрепанными волосами и девочек с грустными глазами. Иногда ей казалось, что Дженни понятия не имеет, каково это.

Сначала на этих консультациях Дженни говорила нужные слова: «Похоже, у тебя установились очень хорошие отношения с той мамой, и пойти с ней в группу для новорожденных было отличной идеей». «Ты совершенно права, что настояла на разговоре с классным руководителем». И Конни выходила от нее на подъеме от кофеина и одобрения. Впрочем, потом количество дел Конни увеличилось, визиты в семьи стали обыденностью, клиенты иногда смешивались в голове: Ленни – это та со вшами или из квартиры с ротвейлером на цепи в кухне? Дженни стала все чаще хмуриться, и Конни чувствовала, что переходит в оборону. Она всегда следила за тем, чтобы в записях был порядок, – издержки прошлой профессии. И она умела хорошо рассказывать истории. Но иногда, подходя к квартире с матерью-подростком, съехавшейся с агрессивным мужиком со странным немигающим взглядом, она чувствовала невероятное облегчение, если дверь не открывали. Даже если ей казалось, что она заметила, как в окне спальни мелькнуло женское лицо, она писала в дневнике «Дверь не открыли» и ехала на следующий объект. Платили ей недостаточно, чтобы справляться с таким количеством насилия. В подобных районах даже копы действовали вдвоем.

Обнаружив, что она беременна Элис, Конни испытала облегчение. Может, она и забеременела, чтобы был повод отдохнуть от работы? Фрэнк, услышав новости, особой радости не испытал. Она приготовила ему ужин, зажгла свечи, купила цветы, а все, что он смог на это сказать, было: «Не лучший момент, детка». Он только заступил на должность художественного руководителя театра, потерял в деньгах, уволившись из колледжа Ньюкасла. Может, он на тот момент уже начал спать с этой его новой молоденькой подружкой. Может, поэтому ему было так неловко.

Она поддержала его в решении уйти из колледжа, несмотря на то что это означало, что ей придется продолжать заниматься социальной работой, хотя ее тошнило каждое утро при мысли о том, как ей нужно будет ехать по текущим делам, видеть жалких матерей и неряшливых отцов. Тогда она поняла, каково ему было заниматься работой, которую он ненавидел. Ей не хватало смелости крикнуть: «А как же я? Куда мне сбежать?» Догадывалась ли она, как близка была к тому, чтобы его потерять? Что еще одна просьба – и он отправится в объятия тощей дизайнерши, работой которой восхищался? Но беременность, по крайней мере,

означала, что она сможет уйти в декрет, передохнуть. На время задвинуть панику. Привести жизнь в порядок, купить коляску и разложить ползунки на белом крашеном сундуке. Фрэнк чувствовал себя обязанным ее баловать, привязался, сам того не желая, к малышу, толкавшемуся внутри ее живота.

Когда Конни вернулась на работу, Дженни отнеслась к ней с заботой. Восторгалась фотографиями Элис. «Ты уверена, что хочешь этим заниматься? Для многих молодых мам такая работа оказывается слишком напряженной, принимают ее слишком близко к сердцу. В нашей профессии есть и другие направления. Они приносят столько же удовлетворения, но при этом не такие сложные». *Старушки с недержанием. Уход.*

Конни отказалась от предложенных вариантов побега. Почему? Из гордости, а также потому, что альтернатива была бы еще хуже. Потому что считала, что материнство чему-то ее научило, подарило ей эмпатию, которой раньше не хватало. Она объяснила все это Дженни, сбивчиво и запинаясь, и была вознаграждена широкой улыбкой. «Ну хорошо. Тогда за работу». И на следующей неделе Конни познакомилась с мамой Элиаса.

Мэтти была хрупкой и поломанной. Большую часть жизни она провела под опекой, после того как ее мать-одиночка, студентка, от нее отказалась. Она переходила от одних опекунов к другим, почему-то никто так и не удочерил ее. Казалось, все неудачи с поиском приемной семьи не на ее совести – она во всем была податливой, стремилась угодить. В шестнадцать ей нашли квартиру. Не в каком-нибудь жутком муниципальном районе, а в небольшом новом жилищном кооперативе. Все благодаря святой Дженни, которая с самого начала боролась за Мэтти. В семнадцать лет девушка обнаружила, что беременна. Когда Конни впервые с ней встретилась, Элиасу было шесть. Обворожительный ребенок. Явно смешанных кровей. Кофейного цвета кожа, черные волосы. Не растрепанные, но очень кудрявые. Это был ребенок из студенческих фантазий Конни, ребенок, которого она спасет, чьей спасительницей она станет. Отец мальчика в истории не фигурировал.

Пока ребенок был маленьким, Мэтти справлялась без поддержки соцработников. Она отводила малыша в ясли рядом с домом, регулярно посещала с ним врачей. Судя по всему, она была гиперопекающей матерью, если не невротичной. По сравнению с безответственными несовершеннолетними матерями-наркоманками, с которыми часто приходилось работать медикам, с ней иметь дело было легко и даже приятно. Не великого ума девушка, говорили они, но заботливая мать.

А потом Мэтти влюбилась. Конни так и не поняла, как они познакомились. Она спрашивала, но Мэтти краснела и запинаясь: «Ой, ну, мы это, типа, просто наткнулись друг на друга». А мужчина, объект ее страсти, постоянно отсутствовал, и Конни не могла спросить у него. Может, через брачное агентство? Объявления в местной газете? Хотя Конни никогда не видела, чтобы Мэтти читала, разве что Элиасу вслух, запинаясь, книжку с картинками. В яслях ей сказали, что это полезно. Может, Майкл Морган увидел ее на улице и подкатил. Она выросла, став симпатичной молодой женщиной, привлекательной для тех, кто любит беспомощных и тощих девушек. «И если принимать во внимание Фрэнка, многим мужчинам такие нравятся».

Все считали, что Майкл странный. Но в безобидном смысле. Это мнение тоже сначала разделяли все. Конни дали это дело только потому, что Дженни была дотошной, лично заинтересованной в жизни Мэтти, и потому, как сказала Дженни, что «все исследования показывают: когда в семье появляется чужой мужчина, меняется вся динамика. Лучше присмотреть за ними, пока все не устаканится». И, возможно, потому, что решила, что Конни после возвращения из декрета не повредит начать с простого дела.

Когда Конни сказала, что Майкл странный, Дженни снова нахмурилась.

– В каком смысле – странный?

Возможно, потому что это слово звучало слишком осуждающе, а Дженни считала себя настоящей либералкой. Или, может, она всегда хмурилась, когда была озадачена, и ей действительно хотелось, чтобы Конни объяснила.

Конни не могла сформулировать свои ощущения.

– У него хорошее образование, работает в центре нетрадиционной медицины в Тайнмуте. Занимается акупунктурой. Не понимаю, зачем ему связываться с Мэтти и ребенком.

– Ищет заблудшие души? – рассмеялась Дженни. – Нам, социальным работникам, об этом известно все.

– Он почти не разговаривает. – Конни чувствовала, что хочет продолжить, выразить дискомфорт по отношению к этому мужчине. Звучать так, как будто она провела глубокий анализ, хотя на самом деле видела его всего один раз. – Он просто сидит и улыбается. Как будто он под чем-то. Или как будто он больной. Сумасшедший.

– Полицейских записей на него нет. – Дженни снова нахмурилась. – Но давай понаблюдаем. Доверимся инстинктам.

Так что Конни продолжила к ним заезжать, радуясь такой возможности, потому что квартира Мэтти была оазисом покоя в череде визитов к матерящимся родителям, в места, пахшие мочой и чем похуже, к детям, с которых сваливались вонявшие памперсы. Мэтти же заваривала травяной чай в больших кружках с подсолнухами. У нее дома всегда было опрятно, а теперь на полках появились книги. Не художественная литература, а тома по религии и нетрадиционной медицине. На полу вырисовались коврики, на столах – вазы с цветами. Но, как заметила Конни, никаких игрушек. Никакого беспорядка. Элис к этому времени начала постепенно ходить, и дом Конни выглядел так, как будто по нему пронесся ураган. Она упомянула об этом Мэтти. «Майкл не любит бардак», – спокойно сказала та. Потом Конни посещала в то время, когда Элиас уже должен был вернуться из школы. Он сидел за столом, делал домашнее задание. Когда Конни зашла, он посмотрел на нее, но не улыбнулся. Игрушки так и не появились.

Фрэнк ушел через полгода после второго дня рождения Элис. Его уход был для Конни совершенной неожиданностью. В последнее время они не ссорились. Иногда он раздражался на хаос, в который превратилась их домашняя жизнь, но ему хватало ума не винить во всем ее одну. Она думала, что все хорошо, и даже начала втайне планировать второго ребенка. Возможно, ему удавалось жить с ней в относительной гармонии именно потому, что он знал, что однажды уйдет, потому что тощая дизайнерша утешала его долгими субботними вечерами, когда Конни играла с Элис и гладила, а он говорил ей, что репетирует с трупой. Репетировал он, как она теперь предполагала, сцены супружеского счастья.

Конни держалась ради Элис и ради того, чтобы сохранить лицо на работе. Она бы ни за что не сорвалась в кабинете Святой Дженни. Жалость ей была не нужна. «Расстались друзьями», – говорила она коллегам. Именно в этот день классная руководительница Элиаса позвонила Конни, чтобы выразить озабоченность ситуацией с мальчиком.

Глава десятая

– Был проведен консилиум, – сказала Вера. В настоящий момент она проводила собственный консилиум во временном штабе расследования в Киммерстоне. Вся команда была здесь: Джо Эшворт, ее правая рука и любимчик, красавица Холли и старик Чарли, близорукий и неопрятный. И Билли, криминалист, в одном мизинце которого, как иногда казалось Вере, было больше разума, чем во всех них, несмотря на его упрямство и непутевость. – Похоже, соцработники так делают, когда не могут решить, как поступить.

Погода изменилась, и снова стало похоже на зиму. На улице еще было темно, по окнам стекали капли дождя. Вера вернулась мыслями к расследованию. Она мало спала, но чувствовала себя полной энергии, ощущала, как она бежит по ее большим неуклюжим ногам и щекочет пальцы.

– Жалобы учительницы были несколько расплывчатыми. Элиас стал приходить в школу уставшим и голодным. Случались истерики, хотя для него это не характерно. Пару раз он мочился в штаны. Она знала, что за семьей присматривает соцслужба, и связалась с Конни Мастерс. В другой ситуации она бы, наверное, просто поговорила с родителями.

– Признаков насилия не находили?

На Холли были симпатичные джинсы и черный свитер в обтяжку. Вера всегда обращала внимание на одежду молодых женщин, подпитывая иррациональную зависть, словно сковыривая болячку.

– Физического насилия не было, – сказала Вера и подумала, что насилие может проявляться по-разному. – Никаких синяков и ожогов. Будь он помладше, сказали бы, что это задержка в развитии. Просто какая-то апатия, изменения в характере.

– И что решили на консилиуме? – Джо Эшворт умел подкармливать ее вопросами. Он хотел подтолкнуть совещание вперед. Джо выглядел уставшим. Впрочем, он ведь тоже не спал почти всю ночь, копаясь в деле Элиаса Джонса.

– Все решили, что причин для категоричных действий нет. Конни Мастерс будет заходить чаще – раньше она посещала их только три-четыре раза в год. Поговорит наедине с мальчиком и его матерью. Учительница разузнает, что происходит в школе. Подумали, что, возможно, изменения в поведении мальчика не связаны с ситуацией дома. Может, кто-то его травил или были ссоры с друзьями в саду.

Чарли закашлялся, прикрываясь серым носовым платком, который когда-то был белым. Вера посмотрела на свой «класс».

– Так что до настоящего момента все делалось по правилам, как видите. Все решения и действия записывались. Образцовые действия соцработников. – Она изобразила жестом кавычки. Последнюю фразу она взяла из отчета следственной комиссии.

– Какое отношение ко всему этому имеет жертва? – спросил Чарли.

– Дженни Листер, – с нажимом сказала Вера, бешено на него посмотрев, чтобы до него дошло: эта женщина заслуживала того, чтобы ее называли по имени. – Она была начальницей Конни Мастерс. Руководила консилиумом. Она знала маму Элиаса с детства, потому что Мэтти Джонс тоже всю жизнь была под опекой.

Вера посмотрела на Эшворта, приглашая его продолжить рассказ. Он вышел вперед. «Ну что, парень, этого ты хочешь? Стать во главе и выпихнуть меня отсюда, как какой-нибудь кукушонок выпихивает свою растолстевшую приемную мать из гнезда?» Она не знала, гордиться ли им или беситься от его самомнения.

– В общем, присматривать за семьей предоставили Конни Мастерс. Но в тот период ее жизнь тоже разваливалась. От нее только что ушел муж, и ей приходилось в одиночку воспи-

тивать двухгодовалую дочь. Во время расследования на это делали акцент. Казалось, что она не вполне объективно относилась к семье Элиаса.

Его тон граничил с ханжеством. Иногда он становился таким, что Вере хотелось вlepить ему пощечину. Просто потому, что у него была идеальная жена и дети, он считал, что все должны быть на это способны. Но сейчас она дала ему продолжить.

– Конни Мастерс договорилась провести с Элиасом день наедине. Как будто бы побаловать его. Они отправились на пикник на побережье, заехали за фиш-энд-чипс по дороге домой. Она думала, что, проведя вечер вдали от дома, он скорее ей откроется.

– А это нормально? – перебила его Холли, повернувшись на стуле, чтобы убедиться, что ее все услышали. – Я имею в виду, что соцработница проводит целый вечер с одним ребенком. Притом что серьезных поводов для беспокойства не было. Я думала, у них работы невпроворот.

– Это особенный ребенок, – ответил Эшворт. – Любимчик, если хочешь. И, как я уже сказал, Мэтти все знали, она была почти как член семьи. Может, они чувствовали особую ответственность за ее сына.

Он не показал раздражения, но продолжил так, как будто его не перебивали:

– Итак, пикник на берегу. На пляже «Лонгсендс» в Тайнмуте, с ведерком и лопаткой, с сэндвичами с яйцом и газировкой. Элиас отлично проводил время, строил замки из песка, пинал мяч. Конни спросила его про парня его мамы: «А что насчет Майкла? Он вывозит тебя погулять?» Но мальчик не ответил, даже не сказал ничего вроде «все нормально». Элиас просто отказывался его обсуждать.

Он на мгновение замолчал, и команда услышала жужжание принтера в соседней комнате, стук дождя по окну, машины на улице.

– Потом перед самым уходом с пляжа Конни предложила зайти в воду. «Нельзя же приехать на пляж и даже ножки не помочить!» Элиас не хотел, но она взяла его за руку и подвела к кромке воды. Когда первые капли коснулись его кожи, он завопил, и она решила, что это от холода. Потом набежала волна побольше и забрызгала его, и он потерял контроль над собой. Запаниковал, вцепился в Конни, и ей пришлось нести его обратно на пляж, на сухой песок. Она пыталась докопаться до причин его тревоги. Спросила, испугался ли он, что Мэтти и Майкл рассердятся на мокрую одежду. Сказала, что если это так, то не проблема – она скажет им, что виновата сама. Но он снова замолчал и совершенно закрылся. Когда она привезла его обратно домой, она почувствовала, что ничего не добилась.

– И ты что, взял все это из отчета? – скептически спросила Холли. Она была амбициозна и всегда немного соперничала с Эшвортом.

Эшворт посмотрел на нее.

– Да, – ответил он. – В основном. Мастерс раньше была журналисткой и хорошо рассказывает.

Все снова замолчали, и Вера подумала, что каждый представил себя там, на пляже с ребенком, и каждый размышлял: «А что сделал бы я?» И те, кто честен с собой, знали, что не сделали бы ничего. Мальчик нервный, испугался воды. Недостаточно причин, чтобы забирать его из семьи. В суде бы просто посмеялись. Да она и сама боялась, когда вода подступала близко к лицу.

Эшворт продолжил рассказывать о действиях Конни Мастерс:

– Через пару недель она приехала к ним вечером, без предупреждения. Элиас лежал в кровати, так что она его не видела, но ей нужно было поговорить не с ним. За ним должны следить в школе, а она хотела поговорить с матерью и парнем, который, по сути, стал отчимом Элиаса. Все выглядело очень культурно на первый взгляд. Майкл сидел за столом и писал – видимо, работал, – а Мэтти мыла посуду для чаепития. Мастерс отметила, что Мэтти казалась довольно покорной и стремилась услужить.

Чарли поднял взгляд.

– Раньше, – сказал он, – не было ничего необычного в том, что мужчина работает, а женщина заваривает ему чай.

Он снова покашлял и откинулся на спинке стула в злобном молчании. Все знали, что его семейная жизнь очень непроста, и никто не обратил на его слова внимания.

– Она также отметила, – продолжил Эшворт, как будто Чарли ничего и не говорил, – что исчез телевизор. Когда Мэтти жила с ребенком одна, ей нравился телевизор, она говорила о сериалах так, словно их персонажи были живыми людьми. Мастерс спросила об этом. Она подумала, может, он в ремонте или они ждут новый. «Майкл не любит телевизор, – сказала Мэтти. – Он считает, что он отупляет разум». Никакого толком ответа.

Слушая Эшворта в своем углу, Вера подумала, что иногда именно это и нужно – притупить разум. Ее выбором был виски, но она понимала, почему телевизор помогает некоторым: бесконечные повторы «Инспектора Морса» и «Чисто английских убийств», передачи про смену имиджа и шоу талантов – все это помогает уснуть.

– В общем, они поговорили, – продолжал Эшворт. – Мэтти Джонс, Конни Мастерс и Майкл Морган. Мастерс объяснила, что они беспокоятся за Элиаса. Он стал рассеянным на уроках, постоянно менялось настроение. Она спросила, не заметили ли они перемен дома. И Мэтти, которая и в лучшие времена не могла изъясняться внятно, по словам Мастерс, и была симпатичной девушкой, но, по сути, таким же ребенком, лишь качала головой и грустно смотрела.

Эшворт повернулся к Холли:

– Прямая цитата из записок следователя. Майкл сказал, что он пытался подружиться с мальчиком. «Но, боюсь, я не очень умею обращаться с детьми. Слишком сосредоточен на себе». Потом он добавил, к удивлению Мастерс, не ожидавшей такого быстрого результата: «Слушайте, если что-то не так, может, мне лучше съехать. Я не хочу усложнять жизнь Мэтти и Элиасу. Совсем не хочу». И Морган сдержал слово. К выходным его уже не было. Он обещал поддерживать связь с Мэтти, но вернулся на квартиру в центре нетрадиционной медицины, которая у него осталась.

Вера подняла зад с подоконника, где отдыхала все это время. Пора перенять эстафету. Предоставь дело Эшворту, и они просидят здесь весь день.

– В общем, все профессионалы вздохнули с облегчением, – отрывисто сказала она, – и пришли к выводу, что проблема решена. Если что-то и было с ребенком не так, то причину волнений устранили. Дженни Листер единственная предупреждала не терять бдительности. Она сказала, что Конни не могла точно знать, что в тревожности ребенка был виноват Майкл Морган, и велела продолжать регулярные визиты. Мэтти была человеком с нарушенной психикой, ей нужен был надзор и поддержка. Она отправила соответствующее электронное письмо всем экспертам, кто присутствовал на первом консилиуме. Но Конни отвлекали другие дела – семьи, у которых, казалось, более срочные проблемы. Да и в ее собственной личной жизни творился полный хаос. Она пару раз заскакивала к Мэтти, которая говорила, что все в порядке, но опять не видела Элиаса. С Майклом после той встречи в квартире, похоже, тоже никто не общался. Во время расследования смерти Элиаса выяснилось, что у него по-прежнему были проблемы в школе, но из-за письма Дженни учительница решила, что Конни работает с семьей и разбирается с этим. Почти год назад ребенок умер. Его утопили в ванне. Мэтти его утопила. Сначала она говорила, что это несчастный случай, но во время первого допроса в полиции призналась, что она его убила. Она винила его в уходе Майкла. Может, она думала, что, если мальчика не будет, ее мужчина вернется к ней.

Вера осмотрела кабинет. Она видела, что все внимание приковано к ней. Никаких иронических комментариев, никаких закатываний глаз к потолку в знак того, что они теряют терпение от ее болтовни. Обычно им хотелось действовать, но смерть ребенка потрясла всех, они притихли и замерли.

– Полицейские, расследовавшие смерть Элиаса, поговорили с Майклом. Похоже, купание всегда было для мальчика травматичным. На допросе Мэтти призналась, что использовала воду в качестве наказания. Держала голову мальчика под водой, пока он не начинал задыхаться. – Вера говорила спокойно, но представляла себе эту картину. Мэтти, шептавшая, чтобы ее любовник не услышал: «Майкл не любит бардак. Майкл не любит шум. Будь хорошим мальчиком, и этого больше не повторится». – Неудивительно, что он испугался волны на берегу. В суде ее адвокаты пытались убедить присяжных, что она просто повторяла то, что делала ранее, и не собиралась убивать сына.

Вся команда пришла в ярость, праведное негодование:

– И бойфренд не пытался ее остановить? Как мать могла так поступить с сыном?

Вера сначала ответила на второй вопрос:

– В отчете психолога говорилось, что у Мэтти низкий уровень коэффициента интеллекта. Майкл – первый мужчина, проявивший к ней доброту, и она влюбилась, втрескалась по уши, была от него без ума. Психолог удивилась, что она использовала воду в качестве контроля над мальчиком. Это необычная форма наказания. Она подумала, что, вероятно, Мэтти получала такое же наказание от кого-то, у кого она была на воспитании, или в интернате. Возможно, Мэтти даже думала, что это нормальное поведение.

Воцарилась тишина.

– Майкл утверждает, что не знал о том, что Мэтти издевалась над сыном, – продолжила Вера. – Видимо, прокуратура ему поверила. Против него не было возбуждено дело.

Напряжение немного спало, раздалось насмешливое фырканье. Никто особо не доверял суждениям прокуратуры.

Она посмотрела на Эшворта. Довольно отнимать его лавры. Пусть продолжит.

– Пресса обвинила во всем Конни Мастерс, – сказал он. – Ее отстранили от работы, потом уволили. Она подала жалобу на увольнение в суд по трудовым спорам, но там поддержали решение отдела социальной службы. Самым весомым был голос Дженни. Она ведь писала Мастерс, чтобы та продолжала заниматься этим делом, не фокусируясь исключительно на Майкле.

Эшворт замолчал. Интересно, не ходил ли он в школе в театральный кружок. Он умел выдержать драматичную паузу лучше, чем кто-либо. Почти. Откровенно говоря, никто не мог так подытожить дело, как сама Вера.

– Но, конечно, самый главный вопрос, – сказал он, обводя всех взглядом, чтобы убедиться, что все внимание приковано к нему, – состоит в том, имеет ли это какое-либо отношение к убийству Дженни Листер, или же это – просто совпадение.

Глава одиннадцатая

Эшворт сидел в темном и унылом домике Конни Мастерс, заставленном обветшалой мебелью из комиссионки. Все обветшалое. Было утро, но все равно пришлось включить торшер в углу. Ковру не помешала бы хорошая чистка. Джо с женой закупали мебель в «Икее» или в «Хэбитате», если хватало денег. Им нравилась мебель из бледного дерева, много света и пара ярких пятен.

Его мысли все еще были заняты утренним брифингом. После обсуждения дела Элиаса Джонса они прошлись по отчету патологоанатома, составили список возможных подозреваемых в «Уиллоуз». Веру заинтересовал способ удушения. «Тонкая веревка. Умно. В плавках или купальнике орудие убийства особо не спрячешь, а веревку можно свернуть и зажать в кулаке, и никто не догадается, что она у тебя с собой. А это значит, что убийство было преднамеренным, не так ли? И убийца наверняка знал, что Дженни всегда ходила в парилку после бассейна. Возможно, он ждал ее внутри». Затем она замолчала, хлопнув себя ладонью по лбу – один из ее театральных жестов, который заставил Джо задуматься, не рассматривала ли она эту возможность с самого начала, – и сказала: «А что насчет нейлоновой лески, на которой персонал носит на шее бейджики? Могли ее убить такой штукой? Можно нам достать такую для сравнения?» Теперь же, сидя в этом мрачном доме, Джо пытался забыть про брифинг и сосредоточиться на настоящем.

Когда он приехал, Конни сидела в доме одна – дочь, видимо, была в дошкольной группе в деревне.

– У меня всего полчаса, – сказала она, как только он представился. – Потом мне нужно будет идти забирать Элис.

Она говорила, будто обороняясь, не желая впускать его в дом. Но все жепустила, и они сидели и пили кофе. Она выглядела уставшей, посеревшей. Эшворт заметил пару пустых бутылок от вина на скамейке в кухне и подумал, не пьет ли она.

– Вы хотите сказать, что это совпадение? – спросил он. – Что вы случайно въехали в дом на той же улице, где жила миссис Листер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.